

М 11785

А П И С К И

О

НѢКОТОРЫХЪ НАРОДАХЪ И ЗЕМЛЯХЪ
СРЕДНЕЙ ЧАСТИ АЗІИ

Доклада изнурительнаго

Филиппа Назарова,

Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса
Переводчика,

посыланнаго въ Коканшъ въ 1813

и 1814 годахъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатаемо при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ

1821.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 4—3 000 000. 1960 г.

плярѡвъ сей книги для представленія , куда предпи-
сано отъ Начальства. Санкплетербургъ , 27 Іюля
1820 года.

рег.р

м 11785 ч

232716

9/5/

н 19.

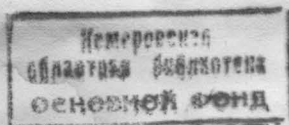
ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ,

Г Р А Ф У

НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ,

ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ,

съ чувствами глубочайшаго высоко-
почишанія посвящаетъ

Сотникъ.

W 11.82

ВТО ОТЕЧЕСТВ.

ТРАФ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

КУМНИНОВ

ГОСУДАРСТВЕННОМУ АРХИВУ

Всесоюзный архив
Секция документов
Дело 10000000

СВЕТЛОСТЬ ИЛИ ТЕМНОТА

Вопросы истории

СОВЕТСКИЙ

Народы, обитающіе въ средней части Азіи, до сихъ поръ остаются мало извѣстными; будучи къ нимъ посланъ и задержанъ ими въ продолженіи полутора года, я старался замѣчать нравы, обычаи, положеніе мѣстъ и укрѣпленія городовъ сихъ народовъ; а знаніе тамошняго языка, какъ своего собственнаго, доставило мнѣ шѣ средства, кои рѣдко находятъ путешественники.—Сдѣлавъ краткое о семъ описаніе, я предпринялъ издать оное въ свѣтъ, чтобы шѣмъ познакомить соотечественниковъ моихъ съ симъ вниманіемъ достойными землями, изъ коихъ нѣкогда вышли народы, поглотившіе наше Государство.

Записки сіи, представляемые мною на судъ просвѣщенныхъ чинашелей, остались бы неизвѣстными безъ великодушнаго содѣйствія знаменитаго въ Государствѣ нашемъ мужа, споспѣшествующаго новымъ открытіямъ; мужа почтеннаго

характеромъ и добродѣтелями, — и кто изъ Россіянъ не узнаетъ въ немъ достойнаго сына героя Задунайскаго.

Возвращавшіеся въ 1812 году отъ Высочайшаго Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Коканскіе Посланники, остановились въ крѣпости Пешропавловской: одинъ изъ нихъ въ семь мѣсѣвъ умеръ отъ болѣзни; а развратная жизнь другаго среди распушныхъ женщинъ, завела его въ сообщество сосланнаго на поселеніе солдата, который, заманивъ его въ баню, убилъ въ надеждѣ воспользоваться его деньгами и кинулъ въ рѣку. Сіе самое заставило корпуснаго Командира, въ отвращеніе различныхъ толковъ, могущихъ дойти до Коканскаго владѣнія, отправить въ Кокантъ Посланника.

Я вызвался принять на себя сіе порученіе, и корпусный Командиръ немедленно отправилъ меня 16 Маія 1813 года въ Коканскому Владѣльцу съ Высочайшею ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА грамотою и всемилосердѣйшими подарками.

Я долженъ былъ слѣдовать подъ особеннымъ прикрытіемъ отряда козаковъ,

сѣ купеческимъ караваномъ, нарочно посланнымъ въ Коканію для открытія шлага; караванъ сей состоялъ изъ 100 верблюдовъ и заключалъ въ себѣ на 200 тысячъ товаровъ.

Корпусный Командиръ далъ мнѣ инструкцію: сохранишь подарки въ цѣлости, обходишься съ Посланниками со всевозможною ласковостію, наблюдая однакожъ секретно крайнюю ошорожность, дабы они не могли шайно скрыться, и не подавая имъ никакого подозрѣнія; на Коканскихъ границахъ опусшишь опрядъ, а съ Посланниками и купеческимъ караваномъ слѣдовашъ въ самой *Кокантѣ*; вручишь самому Владѣльцу подарки и испросишь отъ него опвѣшныя письма къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и Государственному Канцлеру; прилагаешь всевозможное попеченіе, дабы Киргизы не покусились на грабежъ каравана, и, естли нужда пошребуешь, опправишь нарочнаго на линію съ шребованіемъ секурса.

Я простился съ женою и дѣшми, поруча ихъ покровишельству Всевышняго Провидѣнія, и мы всѣ вышнули въ по-

ходѣ изѣ Омска чрезѣ Петропавловскую крѣпость въ *Киргизѣ-Кайсацкую* степь.

Степь сія примыкаетъ съ запада къ рѣкѣ *Уралу*, съ сѣвера до *Уя* и Сибирской линіи отъ рѣки *Тобола* до *Иртыша*, къ востоку граничитъ рѣкою *Турьей*, провинціями: *Хивой*, *Туркистаномъ* и проч. на юговостокѣ же и югѣ рѣкою *Сырѣ-Дарьей*, *Оральскимъ* озеромъ и *Каспійскимъ* моремъ. Обширныя степи сіи состоятъ большею частію изъ открытыхъ и сухихъ лощинъ съ песчаными мѣстами и солончаками; полей плодоносныхъ мало, а лѣсистыхъ мѣстъ и того менѣе.

Сѣверная полоса оныя находится въ суровомъ климатѣ; тамъ зима продолжается около 6-ти мѣсяцовъ, морозы начинающіяся съ Октября; въ Мартѣ уже показывается шрава, а лѣто почти всегда жаркое. Тучныя луга и безпреспанно встрѣчающіеся ключи, рѣчки и озера способствуютъ скотоводству.

Кочующіе въ сихъ степяхъ Киргизы по большой части средняго роста, смуглы; постоянный климатъ дѣлаетъ ихъ здоровыми; живучи цѣлой вѣкѣ на воздухахъ и ведя кочующую жизнь, они способны переносить жаръ и холодъ; имѣющъ

грубую пищу, состоящую лѣтомъ изъ кумыса и молока, а зимой изъ лошадинаго мяса съ разболтанною мукою. Занимаясь скотоводствомъ, они пренебрегаютъ хлѣбопашествомъ.

Киргизы всѣ вообще славные наѣзники; ибо дѣтей своихъ съ 4-хъ лѣтняго возраста сажаютъ уже на лошадей. Чрезвычайно честны, никогда не нарушаютъ даннаго слова, вспыльчивы, мстительны, сродны къ хищничеству, и всѣ спраши въ нихъ сильно дѣйствуютъ.

Говорятъ, что они потомки разбѣжавшихся Моголовъ, кои нѣкогда мнили завоевать всю вселенную. Народы сіи, заставлявшіе претепашъ при одномъ своемъ имени, исчезли вмѣстѣ съ временемъ, оставя намъ по себѣ одно только воспоминаніе о ихъ злодѣянiяхъ; но вступая въ степь, при видѣ бродящаго народа, разбросанныхъ во множествѣ юртъ и пасущихся спадъ и шабуновъ лошадей, перегоняемыхъ съ мѣста на мѣсто, какъ бы переносишься въ тѣ вѣки и воображаешь видѣшь воинскій станъ сихъ Моголовъ.

Киргизскій народъ раздѣляется на 3 орды: большую, среднюю и малую. Каждая

орда раздѣляется на волости, заключающія въ себѣ каждая отъ 3 до 5 тысячъ юртъ, подъ управленіемъ Султановъ; а волость раздѣляется на аулы, имѣющіе каждый отъ 30 до 70 юртъ, подъ управленіемъ почешныхъ биевъ или сшаршинъ. Они не платятъ никакой дани; кочующая жизнь избавляетъ ихъ отъ большой подчиненности, и право сильного господствуетъ тамъ во всей силѣ. Сіе столь гибельное для общества право поселяетъ почти непрестанную вражду между волостями; они часто ѣздятъ по ночамъ партіями къ сосѣдамъ для баранты или отгону скоша, за который съ обѣихъ сторонъ дерутся съ осшервененіемъ; жены ихъ, будучи также хорошими наѣздницами, сражаются вооруженныя кольями и бердышами, и едва ли не превосходятъ въ люшости мушкетеровъ.

Киргизъ имѣетъ при себѣ ружье съ фишилемъ, дрошикомъ, бердышъ, саблю, лукъ и стрѣлы.

Народъ сей исповѣдуетъ Магомешанскую вѣру, которая дозволяетъ имѣть столько женъ, сколько кто въ состояніи прокормить. Женщины ихъ самымъ большимъ безчестіемъ почитаютъ безплодіе;

онѣ спашны, пригожи, сильны и здоровы.

Такъ какъ Киргизы свято сохраняютъ данное общаніе; то сваповство дѣлается между опцами при самомъ младенчествѣ ихъ дѣшей. Отецъ мальчика посылаетъ сваповъ съ предложеніемъ сыновней руки, общая дань за сіе калымъ, состоящій изъ столькихъ-то Калмыковъ, лошадей и рогатого скота, — и будущій жениховъ шестъ, давъ на сіе согласіе, посылаетъ ежегодно къ своему свашу для полученія части общаннаго калыма; когда сговоренные подрастаютъ, то ихъ знакомятъ другъ съ другомъ, а потомъ женихъ ѣздитъ гостить на недѣлю и на двѣ къ невѣстѣ.

Будущій шестъ за $\frac{1}{4}$ версты отъ своего жилища станавливаетъ для жениха особую юршу. Женщины на каждую ночь приводятъ къ нему невѣсту и оставляютъ съ нимъ наединѣ; но скромность, можно сказать взлелеянная между сими грубыми дикарями, не дозволяетъ жениху упошребить и самомалѣйшую дерзость противъ невѣсты. Въ назначенный для свадьбы день собираются родшвенники; невѣста сквозь решешку поднятыхъ полъ

у юрты протягиваетъ къ жениху, который споймѣ подѣ открытымъ небомъ, руку; мулла спрашиваетъ ихъ о согласіи, и потомъ, соединяя руку жениха съ невѣстиною, читаетъ молишву. Послѣ сего они дѣлаются уже супругами.

Если бы узнали, что невѣста не сохранила до брака свою непорочность (что слишкомъ рѣдко случается): то сваты убиваютъ убранную женихову лошадь, раздираютъ въ лоскупки его плащъ, и осыпаютъ невѣстинаго опца ругательствами.

Законовъ никакихъ не имѣютъ и утверждаютъ на одномъ Алкоранѣ, либо на естественномъ правѣ.

Цѣлый день мы шли по проложенной черезъ лѣсъ къ *Ишиму* дорогѣ, называемой *Аблай-Ханскою*, до урочища *Коротумара*, гдѣ встрѣчали по мѣстамъ въ большомъ количествѣ разбросанныя юрты и въ великомъ множествѣ пасущіяся стада Киргизовъ. Къ ночи уже, около 11 часовъ, мы развьючили верблюдовъ, расставили шюки на подобіе полукруга, сомкнувъ оной для безопасности опрядомъ козаковъ. Не смотря на усталость людей, должно было вываживать верблюдовъ для отдох-

новенія около 2 часовъ, а потомъ положили ихъ въ рядъ; что и въ послѣдствіи времени всегда дѣлалось; лошади же, изъ коихъ не болѣе 15 оставались не разсѣдланными на случай опасности, загнаны были въ середину. На другой день на разсвѣтѣ, въ 5 часовъ, мы пошли опять лѣсами на урочище *Кукти-Рѣкъ*, општуда степью, простирающеюся на сто верстъ, къ урочищу *Юскомышъ*, опшоль на *Сарагазъ*, на рѣчку *Заглинку*, изобилующую рыбами, при коей обитающъ въ великомъ множествѣ разныхъ волосей Киргизы подъ управленіемъ Хана *Валлія*.

Мы видѣли разставленные по рѣкѣ ихъ подвижныя юрты, сдѣланныя изъ войлоковъ, натянутыхъ на рамы; у богатыхъ оныя украшены были внутри пестрыми шелковыми матеріями. Передъ юртами стояли осѣдланныя лошади; внутри юртъ лежали молошныя мѣшки, а на стѣнахъ висѣло оружіе и конская зброя. Киргизы сидѣли безпечно, поджавши ноги у курящихся огней и рассказывали другъ другу о временахъ давно прошедшихъ; нѣкоторые, лежа уединенно на зеленѣющихъ пригоркахъ и играя унылыя пѣсни на сывызгѣ (инструментъ на подобіе

флейты), пасли спада; а женщины выдѣлывали кожи, шкали и валяли войлоки. Разговаривая съ ними и вникая въ ихъ характеры, мнѣ казалось, что грабительство и жестокость сихъ народовъ, опнесши можно болѣе къ необузданному образу жизни и стремленію къ мщенію, нежели къ чувствамъ природнаго ихъ побужденія.

Вечеру Киргизы собрались толпою на берегъ, боролись, бѣгали въ запуски, стрѣляли изъ луковъ въ цѣль; иные изъ нихъ играли подлѣ юртъ въ домбру, (инструментъ, сдѣланный на подобіе ковша со струнами); а молодая дѣвушка, сидя врядъ у рѣшетокъ въ юртахъ и приподнявъ полы войлоковъ, сопровождали сію музыку голосами. Признаюсь, хотя она была не слишкомъ привлекательна для слуха; но все сіе замѣнялось веселымъ и безпечнымъ видомъ жителей. Мы прощились съ сими беззаботными обитателями, и съ *Таглинки* отправились на урочище *Тубаръ - Айгъръ*, покрытое по сторонамъ высокимъ лѣсомъ, годнымъ къ строенію. Въ семъ мѣстѣ земля весьма удобна къ хлѣбопашеству, съ большими сѣнными покосами при озерахъ; сюда

ходящѣ Киргизы на ловлю волковѣ, лисицѣ и борсуковѣ, и добываютѣ соль изъ находящихся въ окружности небольшихъ соленыхъ озерѣ, называемыхъ *Яманъ-Тузъ*. Они гоняются за звѣрями на лошадяхѣ, съ собаками и обученымъ беркутомъ (орломъ), котораго сажаютъ вмѣстѣ съ собою на сѣдло, покрывъ ему голову чехломъ, дабы онъ не развлекался воспрѣчающимися ему предметами; при видѣ зайца, лисицы или дикой козы, скачущій Киргизъ сбрасываетъ съ беркута чехолъ; онъ съ стремленіемъ налетаетъ на добычу, схватываетъ ее когтями и держитъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ его не подоспѣетъ. Беркутовъ сихъ они спользуютъ дорого цѣнящѣ, что за одного отдають по нѣскольку лошадей и даже пѣиныхъ Калмыковъ. Отсюда пошли мы гористыми мѣстами на урочище *Машакъ-Калмышъ*, покрытое лѣсами, при прѣсныхъ озерахъ, до урочища *Тетенбетъ-Карасу*, въ которомъ мѣстѣ высокіе хребты горъ, прилегающіе къ горѣ *Кокгатау*, пересѣкають дорогу; мы шли безпрестанно каменистыми мѣстами, затруднявшими на каждомъ шагу путь нашъ; въ правой рукѣ, наспрошивъ урочища *Такмаштау*, сибѣлась

вдали, за три дни ѣзды, ужаснѣйшей величины гора *Коктатау*, скрывающая въ облакахъ свои вершины. Мы не встрѣчали во все время ни одного человѣка; ибо Киргизы въ лѣтнее время уходящъ кочевашъ по другую сторону горы сей. Дикія мѣста сіи и царствующая въ окрестностяхъ пишина, производящъ какое-то неизбѣяснимое уныніе; а во время ночи освѣщаемыя сіяніемъ выходящей изъ-за *Коктатау* луны цѣпи хребтовъ горъ, опбрасывая по лощинамъ длинныя тѣни, приводящъ путешественника въ невольное содроганіе.

Подошедъ къ горѣ, мы были поражены шумомъ бѣгущихъ изъ нее ключей, которые, спремась съ вершинъ и разбиваясь о выдавшіяся скалы, впадаютъ въ большое изобилующее рыбами озеро, изъ коего вытекаешъ рѣчка *Янасу*, пересѣкающая дорогу. За нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, Киргизы у подошвы горы сей копали мѣдныя и свинцовыя руды, и до сихъ поръ видны еще глубокія ямы. Самъ Ханъ *Атагасыкой* волости, *Валиханъ*, кочуешъ по близости оной, отъ коего запрещено Киргизамъ, подб смертною казнію, открывать Рускимъ о

сихъ рудахъ. Киргизы занимаются ловлею хищныхъ звѣрей, обитающихъ по сей горѣ въ такомъ множествѣ, что они часто причиняютъ безпокойства, а не рѣдко и вредятъ проходящимъ малымъ караванамъ. Откуда мы слѣдовали на урочище *Турѣ-Айгѣ*, омываемое рѣчкою *Салентого*, вытекающею за 500 верстъ извилинами изъ горы *Ирейменя*, и впадающею въ *Куктетавское* озеро. Близъ *Турѣ-Айга* находится озеро, имѣющее въ окружности около 30 верстъ, подъ названіемъ *Кегубай-Саркарѣ*, по срединѣ коего вышли изъ воды два камня, наподобіе небольшихъ домиковъ; по одну сторону на крупомъ берегу сего озера видно кладбище Киргизовъ, гдѣ надъ могилами построены деревянные четверугольные надгробные памятники; у нѣкоторыхъ кургановъ мы видѣли вошпикнутыя копья и сдѣланныхъ изъ дерева яспребовъ; спросивъ на сіе исполкованія, узнали, что копье означало славнаго наѣздника, а яспребъ пищелова. Могилаы они роютъ не глубокія; но за то сверху наваливаютъ груды земли и камней. Набожные Киргизы шѣла богатыхъ родствениковъ своихъ лѣтомъ увозятъ въ *Туркистанѣ*, чтобы шамъ предашь

погребенію у гробовѣ святыхъ своихъ; а въ зимнее время, не имѣя средствъ безъ подножнаго корма шуда уѣхашь, вѣшающѣ ихъ на деревьяхъ, обвивъ войлоками и бязями, и, по открытіи весны, увозящѣ уже въ *Туркистанѣ*. Проѣзжая зимой по Киргизскимъ степямъ, съ ужасомъ иногда встрѣчаешь подобныя, развѣшанныя на деревьяхъ, покрытыя инеемъ, обледенѣлыя шѣла, качаемыя бурнымъ вѣтромъ.

Близъ сего озера Киргизы *Атагасвской и Сибанъ - Кирѣвской* волостей имѣющѣ зимовки, мѣняя проходящимъ караванамъ лошадей, верблюдовъ и барановъ.

Мы пришли въ то самое время, когда они судили одного изъ своихъ собратій; собранные, по повелѣнію Хана, старые бѣи, сидя съ важностію на разосланныхъ поправѣ коврахъ, приговорили преслупника къ смерти; приговоръ исполненъ былъ въ одну минушу: на шею несчастнаго накинули арканъ, привязали конецъ онаго къ лошадиному хвосту, и всадникъ скакалъ по степи, влача его за собою до шѣхъ поръ, пока онъ не испустилъ духъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Спросивъ о его преступленіи, я весьма удивился, узнавъ, что его казнили за кражу двухъ въ волоси

барановъ, тогда, когда самые же сіи Киргизы, по поводу часпной ссоры съ сосѣдами, вѣздящѣ по ночамъ въ чужія волости, и опгоняющѣ цѣлыя стада рогатаго скота и шабуны лошадей, возвращая оныя не иначе, какъ черезъ выкупъ, посредствомъ нарочно собираемыхъ на шомъ случай съ обѣихъ споронъ биевъ. Бараншы сіи дозволяющя, по ихъ обыкновеніямъ и врожденному побужденію мстить за обиду, и не вмѣняющя въ кражу.

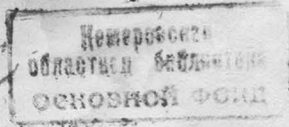
Съ расперзаннымъ отъ сего зрѣлища сердцемъ, мы опправились далѣе на урочище *Карабатырѣ-Ѣука*, называемое *Яланды*, что значить по Киргизски *змѣй*; ибо въ семъ мѣстѣ ихъ великое множество. Мы шли отъ самаго *Турѣ-Айгера* до урочища *Домбралы*, опстоящаго на день вѣды, густыми лѣсами, имѣя по обѣимъ споронамъ крушыя горы; въшрѣ съ шумомъ попрысалъ листьа деревъ и завывалъ въ ущеліяхъ горъ, разнося крики хищныхъ звѣрей и вороновъ, гнѣздящихся въ лѣсахъ сихъ. Въ семъ мѣстѣ дорога весьма опасна, по причинѣ набѣговъ Киргизъ, скрывающихся въ окружности лѣсовъ; мы слѣдовали съ большею прошивъ обыкновеннаго предосторожно-

спію, дѣлая для усмрашенія хищниковъ по временамъ выспрѣлы, и, кѣ щаспію, прошли благополучно; ибо хопя нѣкопоре изъ нихъ и покушались украситъ лошадей нашихъ; но какъ мы двоихъ поимали и высѣкли розгами, шо другіе уже насъ и не обезпокоивали.

Ошпуда мы пошли по пракшу на урочище *Кугакъ*, гдѣ вспрѣлся съ средней ордой *Туртаульской* волости, оспавались на двое сутокъ для промѣну усталыхъ и неспособныхъ верблюдовъ, и запасались кѣ продовольствію баранами.

За два дни до прибытія нашего, похоронили они спаршаго бія; богатые родственики, вѣ память умершаго, сдѣлали по обыкновенію празднество, на которое приглашены были почешные люди по близости кочующихъ волостей; разспавили до 15 большихъ юртъ; гости пили кумысъ, а жены покойника завывали, драли на себѣ волосы и царапали лице, прославляя его храбрость, любовь кѣ нимъ и вѣрность. Онѣ выщипывали: сколь онѣ былъ щедрѣ, съ какимъ спараніемъ смотрѣлъ за табунами, сколько своимъ мужествомъ забралъ невольниковъ, сколько похищилъ скоша и шакъ далѣ. Зарѣзано

было для ясвы до 80 лошадей и 60 барановъ. Послѣ полудня, когда жаръ спалъ нѣсколько уменьшаясь, началось конское ристаніе; мѣша (или барьеръ) поставлена была чрезъ проспранство 40 верствъ; за нѣсколько верствъ до мѣши разставленные на лошадяхъ Киргизы коль скоро замѣчали, что у состязавшихся лошади на споль великомъ проспранствѣ ослабѣвали, подскакивали къ мчащимся всадникамъ, подхватывали ихъ, для облегченія лошадей, подвѣруки и по нѣсколько верствъ пропашкивали за собою, зацѣпляя задыхающихся ихъ лошадей арканами за поводья и спремена. Сквозь густую пыль, поднявшуюся до облаковъ отъ копытъ несущихся коней, мы видѣли, что нѣкоторые, желая пересѣчь пушь своимъ соперникамъ, были съ воплемъ опрокидываны; иныя лошади, не выдержавъ споль дальняго разстоянія, издыхали у мѣши, а нѣкоторые съ переломленными ногами лежали посреди поприща вмѣстѣ съ своими всадниками. На первую обогнавшую лошадь назначено было въ награду 75 лошадей и 7 Калмыковъ, на вторую 40 лошадей и 25 коровъ, на третью 30 коровъ и 20 барановъ и такъ далѣе, на послѣднюю же

лошадь полагалась одна кобылья голова. По окончаніи конскаго ристанія, бѣли при-
готовленные кушанья, шумѣли, веселились
и разошлись уже почти на другой день
ушромѣ, получа на память лоскушки раз-
рѣзаннаго плащя покойника.

Такъ какъ мы безпрестанно удаля-
лись отъ границы, подходя къ Киргизамъ,
не имѣющимъ уже никакого сношенія
съ Россією; то, въ оповращеніе могущихъ
случиться намъ пришествій отъ нихъ,
и дабы не сбиться съ тракта, развѣды-
вали, гдѣ кочуетъ съ *Колытского* во-
лостью Султанъ *Худай-Менда*, славя-
щійся неограниченнымъ уваженіемъ и
властію надъ сосѣдственными Киргиза-
ми, надѣясь выпросить у него вожашихъ,
которые знаютъ водяныя и безопасныя
мѣста. Намъ увѣдомили, что онъ ко-
чуетъ за рѣкою *Ишилмоѣ* у рѣки *Мурь*,
при урочищѣ *Акмулѣ*.

На другой день мы выступили къ *Иши-
лу*, перешли рѣку въ бродѣ при урочищѣ
Хотай-Бергенѣ и остановились въ семъ
мѣстѣ на шрое сутокъ; козаки ловили
бѣлую рыбу, и весь караванъ ею пишал-
ся. Сдѣлавъ совѣтъ съ караваномъ, мы

послали къ Султану *Худай-Мендѣ*, дабы онъ снабдилъ насъ 2-мя вожаемыми и позволилъ бы пройти съ караваномъ по его волости. Мы ожидали отвѣта еще шрое сутокъ на одномъ мѣстѣ, и наконецъ, не дождавшись онаго, на 6-й день пошли далѣе, вырѣзывая по временамъ на деревьяхъ и камняхъ Рускія надписи и означая имена наши, годъ, мѣсяцъ и число.

Близъ рѣчки *Кузукугъ*, впадающей изъ *Нурь* въ *Ишилъ*, мы встрѣтили близъ озера *Маликулъ* проходящихъ Киргизовъ, не имѣющихъ никакого скота; всѣ они были пѣшіе, въ разодранныхъ рубищахъ и несли на себѣ дѣтей. Они съ давняго времени разорены сосѣдами отъ бараншъ, и съ большею нуждою пропитаніе имѣютъ ловлею рыбы, которую для сохраненія зарывають въ землю. Будучи далеко отъ границъ нашихъ, они не могутъ имѣть никакого сношенія съ Россією. Большая часть изъ нихъ, для снисканія дневнаго пропитанія, находятсѣ у кочующихъ по близости Киргизовъ въ услуженіи, которые заставляють ихъ переходить на кочевье за собою пѣшими. Несчастные сіи собственныхъ дѣтей своихъ, чѣобы они не умерли съ голода,

продаютъ проходящимъ караванамъ подѣ
видомъ Калмыковъ.

Мы вступили въ степь, занимаемую
Корлутскою волосью, гдѣ ошѣ привер-
женныхъ къ намъ Киргизовъ были увѣ-
домлены тайно, что *Кукстагай-Кирсен-*
ской и *Кирней-Каракисецкой* волосшей Кир-
гизы хотѣли сдѣлать на насъ нападеніе
при переходѣ чрезъ рѣку *Мурч*, близъ уро-
чища *Акмулы*. Видя угрожающую опас-
ность каравану и не имѣя средствъ из-
бѣгнуть оной, я опсправилъ тайно, по
данной мнѣ инспрукціи, къ корпусному
Командиру съ нарочнымъ однимъ уряд-
никомъ при двухъ козакахъ рапортовъ, до-
нося ему о злоумышленіи Киргизовъ и
требуя помощи; сами же, приспраивая
себя къ той волости и переходя съ ни-
ми съ мѣста на мѣсто, во ожиданіи под-
крѣпленія, принуждены были уклоняться
безпресшанно ошѣ насоящаго пракша.
Какая была прошивуположность между
нами и нашими новыми шоварищами: они
съ шоржеспивеннымъ видомъ перекочевы-
вали съ мѣста на мѣсто; женщины ихъ,
(по обыкновенію въ такихъ случаяхъ) на-
ряженныя въ самые богатѣйшіе шелко-
вые халашы, всегда ѡхали верхомъ на луч-

шихъ коняхъ, покрытыхъ хорошими чепраками и украшенныхъ перьями; мушкетеры окружали ихъ вооруженные; впереди дѣвши и спарики гнали стучныя стада, а сзади шли навьюченные имѣніемъ и юртами верблюды, прикрываемые также частію вооруженныхъ Киргизовъ. Напрошивъ всего купечество наше, можно сказать, было въ опчаяніи; всѣ думали, что лишася вмѣстѣ съ имѣніемъ и жизни. Одна надежда оставалась на отдаленную помощь съ границы; — мы часто всходили на горы, смотрѣли въ подзорныя трубы вдаль необозримыхъ степей, раздѣляющихъ насъ отъ Россіи, не идетъ ли ожидаемый нами отрядъ; но онъ не появлялся. Иногда, видя поднимающуюся вдали пыль, мы радовались, воображая увидѣть Русскихъ; но пріятныя мечты сіи часто насъ обманывали. Придумывая, какъ бы доставить свѣдѣніе о мѣстопребываніи нашемъ отряду, который, предполагали, слѣдуетъ уже по степямъ въ подкрѣпленіе къ намъ, мы зарывали въ пепелъ записки съ означеніемъ, по какому слѣду слѣдовали; на деревьяхъ и на вскрѣпающихся развалинахъ пирамидъ вырѣзывали Русскія надписи;

въ ночи зажигали маяки, привязывали къ спрѣламъ горящія головни и, пуская ихъ вверхъ, мнили подашь тѣмъ знакъ о себѣ. Для устрашенія хищниковъ, на вечерней зарѣ дѣлали по 20 и по 30 выстрѣловъ изъ большаго ружья, которое, дабы издавало большій гулъ, вставляли въ колесную трубицу, обшитую войлоками на подобіе пушки. Хищные Киргизы, узнавъ о сношеніи нашемъ съ Россією, хотя и были въ заговорѣ съ нѣсколькими волослями, однако напасъ не рѣшались. Мы видѣли ихъ большими толпами разбѣжающихся вблизи насъ, вооруженныхъ копьями, ружьями, саблями и бердышами. Причина намѣренія ихъ разбить насъ, было мщеніе къ Русскимъ за то, что посланнымъ опрядомъ козаковъ, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они были наказаны угономъ скота за ограбленіе Россійскаго каравана купца *Свѣшниковъ* съ товарищами. Въ сіе споль кришическое для насъ время, къ довершенію нашего опчаянія, Султанъ *Худай-Менда*, спрашась принятіемъ насъ къ себѣ раздражишь Киргизовъ, и чшобъ, въ случаѣ разбитія каравана нашего въ окруженіи волосли его, не пала на него вина,

объявилъ намъ чрезъ посланныхъ отъ него шеленгушовъ, дабы мы къ его волоспи не приближались. При семъ извѣстїи мы уже совсѣмъ потерялись.

Наконецъ, по прошествїи 29-ти дней, при переходѣ рѣки *Куланъ-Етмесъ*, близъ древней пирамиды *Бутагай-Талъ*, подошла къ намъ часть столь неперпѣливо ожидаемаго опряда, состоящая изъ ста человѣкъ козаковъ, подъ командою Штабс-Ротмистра *Елгашкина*. Мы встрѣтили ихъ, какъ родныхъ братьевъ; проливали отъ радости слезы, опорожнили съ ними нѣсколько мѣховъ вина и пошли уже безъ боязни на рѣку *Ясианъ-Кунъ*, гдѣ дождавшись остальнаго опряда подъ начальствомъ Поручика *Лукина*, оставались для переговоровъ съ Султаномъ *Худай-Мендою* шрое сушокъ. Днемъ для безопасности разставляли пикеты въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря распояніемъ; а въ ночи, снимая оные, составляли изъ двухъ сотъ человѣкъ цѣпь; при обозѣ также содержали караулъ до сорока человѣкъ, и кони были безпрестанно въ коновязяхъ.

Султанъ, узнавъ о прибытіи опряда, назначилъ мнѣ для переговоровъ мѣсто на рѣкѣ *Якши-Кунъ*, въ 20 верстахъ отъ

лагеря, объявля, чѣшобы я никого съ собою не бралѣ, кромѣ самыхъ необходимѣйшихъ. Положась на обѣщаніе его не причинить мнѣ никакого вреда, я побѣхалѣ къ нему съ 3-мя офицерами и 2-мя урядниками. Сулшанѣ разбилѣ къ приему нашему 10 палашокѣ, вмѣщавшихъ въ себѣ каждая отъ 30-ти до 40 человекѣ. При немѣ было шриста Киргизовѣ, вооруженныхъ въ панцыряхъ и кольчугахъ; Сулшанѣ имѣлѣ около 60-ти лѣшѣ отъ роду, былѣ росшу средняго и видомѣ мужесшвенѣ. Вошедѣ въ палашку, я увидѣлѣ собранныхъ почешныхъ биевѣ шѣхъ волосшей, кои покушались напасѣ на насѣ. Сулшанѣ объявилѣ при нихъ, что опклонилѣ Киргизовѣ отъ намѣренія ограбить насѣ, съ шѣмѣ условіемѣ, чѣшобы опрядѣ козаковѣ былѣ возвращенѣ въ Россію. Онѣ подчивалѣ насѣ чаемѣ; вручилѣ мнѣ письменное обязательство помянушыхъ биевѣ не дѣлать намѣ никакого вреда и, продержавѣ насѣ у себя около двухъ часовѣ, позволилѣ пройти съ караваномѣ мимо его волосши по рѣкѣ *Кунѣ*, на урочище *Айртау* (раздвоившуюся гору). Въ семѣ мѣстѣ онѣ лично осмашпривалѣ караванѣ. Проходя мимо волосши, Шшабсѣ-Рошмисшрѣ *Ел-*

гашкинѣ, чтобы заставивъ хищныхъ Киргизовъ быть въ почтеніи къ намъ, распянулъ при караванѣ опрядъ разстояніемъ почти на полверсты. Султанъ *Худай-Менда* далъ намъ проводниками 16-ти лѣшняго сына своего, Султана *Кунгуръ-Ульжа* и племянника *Балханрѣ* Султана съ шеленгушами, сдѣлавъ имъ нужныя наставленія, и объявилъ желаніе свое, чтобы въ продолженіе 12-ти дней, то есть до того времени, пока мы съ караваномъ выйдемъ изъ опасныхъ мѣстъ, опрядъ, не возвращаясь въ Россію, оставался на мѣстѣ. Здѣсь купцы дѣлали обмѣнъ верблюдовъ и лошадей, и многіе брали ихъ въ наемъ до обратнаго пути.

Мы проспились съ Султаномъ и пошли съ новыми жопаемыми нашими колодцами и небольшими рѣчками, на коихъ видѣли множество черныхъ шурхановъ, различныхъ родовъ гусей, утокъ, куликовъ и лебедей. До сихъ поръ мы оспанавливались для отдыха большею частію при рѣчкахъ или колодцахъ: но въ семъ мѣстѣ принуждены были отъ оныхъ уклоняться; ибо по близости ихъ скопляется множество змѣй и разныхъ ядовитыхъ гадовъ, шипѣніе коихъ мы изда-

лека еще слышали. Проходя мимо каменистых горъ *Октау* и *Уртатау*, повстрѣчали Киргизовъ *Юсуфъ-Конрадской* и *Алгинской* волосшей, имѣющихъ при себѣ разное оружіе; они столь звѣрски, что за отказъ напойки шабаку, бьютъ и сбкутъ нещадно людей, проходящихъ мимо ихъ съ малыми караванами; насъ самихъ ошгоняли они безпрестанно отъ колодцевъ и не давали даромъ черпашъ воду, заславляя оную покупашъ. Чшобъ не умереть отъ жажды, мы принуждены были изъ каравана ошдавать имъ разныя бездѣлицы.

Близъ рѣки *Сарысу* нашли мы на кочующую *Тенгаръ-Каракисецкую* волосшь, изъ коей Киргизы вывозятъ на практъ къ проходящимъ караванамъ выработанный свинецъ въ слипкахъ, который они доспаютъ, по близости горъ сихъ, въ большемъ количествѣ. Идя по печенію рѣки сей шрое сушокъ, мы повернули съ полудня на востокъ и пришли въ песчаныя сопки, называемыя *Джиты-Конгуръ*, гдѣ дорогою находили алебаспровые ушесы на подобіе спекла и извешковый камень; на ровныхъ мѣстахъ видѣли самую мягкую распрескавшуюся красную землю (при-

знакъ рудныхъ мѣстѣ), на коей, кромѣ 2-хъ родовъ полыню, не расштѣ никакой подножный кормъ. Одинъ родъ полыню сего годенъ токмо для сваренія кушанья, а другой служилъ сыпнымъ кормомъ для лошадей и верблюдовъ. Деревья въ семъ мѣстѣ весьма мѣлки; терновникъ замедлялъ ходъ нашъ и царапалъ въ кровь ноги лошадямъ и верблюдамъ.

Отъ самаго урочища *Куланъ-Этмесъ*, люди въ караванѣ нашемъ, не могли переносить дѣйствія вредной воды, спсрадали разслабленіемъ, головою болью, животоиъ, и теряли аппетитъ; одно средство излѣчать ихъ отъ сей болѣзни было: расшворяшъ въ водѣ взяшую съ границъ нашихъ землю, кошорую мы опуская въ котлы въ уздахъ, варили; даже изнемогающимъ лошадямъ лѣкарство сіе приносило большую пользу.

Песками чрезъ сопки мы шли цѣлые 7 дней; пили изъ засоренныхъ селищренныхъ колодцевъ, выкопанныхъ Киргизами во время переходовъ на кочевье; колодцы сіи, не смотря на усталость нашу, мы принуждены были очищать. Здѣсь, кромѣ камышу, лѣсу вовсе нѣтъ; изрѣдка пролегаютъ луга, и кочующіе по близо-

спи Киргизы *Талинской* волости, не имѣя средствъ пасши спада, занимаются одною ловлею дикихъ козъ и кулановъ, набѣгающихъ на сіи колодцы.

По 7-ми дневномъ пуши, пройдя мимо соленого озера *Кукга-Тузъ*, мы прибыли на необозримую безводную степь, гдѣ, кромѣ шерновника, никакихъ уже растѣній не встрѣчали. Будучи предвѣдомлены вожаками о семъ безводномъ пуши, мы запаслись на полшора дни водою въ кожаныхъ мѣхахъ; шупъ видѣли мы древнюю каменную надгробную, называемую *Уванасъ*, въ видѣ пирамиды стоящую на возвышенномъ бугрѣ сей безмолвной, никѣмъ необищаемой степи. Оплъ сей надгробной, разстояніемъ ѣзды на одни сунки, мы пришли на рѣку *Цуй*, изобилующую рыбами, какъ то: щуками, сомами, язями и окунями. Въ камышахъ, проспирающихся около 3-хъ верстъ въ окружности береговъ, обитающъ барсы, шигры, рыси и кабаны. По близости сихъ мѣстъ зимуютъ Киргизы *Алтинской*, *Конрадской* и *Талинской* волостей; они пристрастились къ звѣриной ловлѣ до такой степени, что проводящъ въ семъ занятіи весь вѣкъ свой. Перейдя рѣку *Цуй*, оправи-

лись опять безводными песками до пограничнаго города Туркистанскаго владѣнія *Сузака*.

Туркистанское владѣніе прежде сего имѣло особаго владѣтеля, который управлялъ онымъ независимо; но въ 1814 году совершенно покорено *Коканіею*, управляемая нынѣ Коканскими намѣстниками и влилось въ составъ Коканскаго государства. Владѣніе сіе граничило къ сѣверу съ *Киргизскими* *песчаными* *степями*, къ западу съ *Бухаріею*, къ югу съ *горными* *закаменными* *Киргизами*, а къ востоку съ рѣкою *Течемъ*. Здѣсь, по мѣрѣ приближенія во внутрь Туркистанской области, путешественникъ встрѣчаетъ болѣе образованности въ гражданской жизни; уже начинается видѣть обработанные поля, постоянныя селенія, и наконецъ представляющіяся взору его красивые города, въ коихъ находятся множество памятниковъ и гробницъ, заключающихъ въ себѣ прахъ ихъ священныхъ. Сюда стекаются всѣхъ сосѣдственныхъ Азіатцы на поклоненіе угодникамъ; а богатые привозятъ тѣла родственниковъ своихъ, дабы погребсти ихъ вмѣстѣ съ оными. Климатъ гораздо луч-

ній; земля производитъ различные пло-
доносныя деревья, и обильныя поля укра-
шающія душистыми цвѣтами. Здѣсь нѣ-
которымъ образомъ управляютъ законы,
которые совершенно предоставлены въ
руки духовенства; оно разбираетъ всѣ
спорящія, ссоры и опредѣляетъ наказанія;
такъ видимъ мы право феодальнаго пра-
вленія въ вѣка младенчества всей Европы.
Туркистанца видишь уже не такимъ сво-
боднымъ, вскормленнымъ природою среди
степей человѣкомъ, каковъ Киргизъ; —
онъ сжатъ, скрытенъ, надмененъ и уже
знаетъ различныя ухищренія и обманы,
къ несчастію, столь тѣсно соединенные
съ гражданскою жизнью. — Жители сей
страны также исповѣдуютъ Магомешан-
скую вѣру; въ супружество берутъ по
большей части сосѣдственныхъ Кирги-
зовъ, и каждую изъ женъ своихъ помѣ-
щаютъ въ особый домъ.

Дорогою къ *Сузаку* мы находили весь-
ма много черепакъ. Въ исходѣ Сентября
на разсвѣтѣ караванъ остановился въ 4-хъ
верстахъ разстояніемъ отъ города. Я
съ чиновниками и Сулланами былъ при-
глашенъ къ Правителю или Губернатору
города; онъ насъ угощалъ чаемъ, вино-

градомъ, дынями; подчивалъ куришельнымъ табакомъ, и попомъ позволилъ осмолтрѣть городъ. *Сузакъ* заключаешъ въ себѣ до 500 каменныхъ домовъ, выстроенныхъ споль плошно одинъ къ другому, что войдя въ улицу, думаешь видѣшь ее огороженною каменнымъ заборомъ; окна въ домахъ выстроены вообще на дворъ, во всемъ городѣ одна шокмо круглая улица. Городъ сей стоишъ на возвышенномъ мѣстѣ, къ яру обнесенъ высокою каменною стѣною, внутри изобилуетъ ключами; до 200 человекъ гарнизону охраняешъ городъ. Въ предмѣспіи его находятся пашни и разсѣянные юрты бѣдныхъ Киргизовъ; жишели прудолубивы, занимающія хлѣбопашествомъ и производящъ мѣну шоваровъ съ кочующими на *Сарысѣ* и *Їуѣ* Киргизами. Женщины ихъ весьма ласковы и споль знакомишы, что приходили многія изъ нихъ въ караванъ нашъ. Братъ Туркистанскаго владѣтеля, Султанъ *Шай-Темиръ*, управляетъ симъ городомъ. Такъ какъ проводникъ нашъ, Султанъ *Кунгуръ-Ульжа*, былъ родственникъ управляющаго городомъ; шо сей послѣдній, хошя бы и могъ порученныхъ моему надзору Коканскихъ посланниковъ

задержавъ, сдѣлавъ своими плѣнниками; ибо *Туркистанцы* имѣли тогда войну съ *Коканією*; однако, въ угодность Султану, онъ не токмо не причинилъ имъ никакого вреда, но совѣтовалъ еще для ихъ безопасности, дабы Туркистанскій владѣтель, братъ его, не узналъ о ихъ присутствіи, идши къ споронѣ Черной горы, *Каратау* называемой, въ 25 верстахъ отъ города отстоящей. Онъ взялъ пошлины съ каравана, по оцѣнкѣ, сороковую часть.

Избѣгая могущихъ случиться съ караваномъ непріятностей, мы приняли совѣтъ его и пошли степью, проспирающеюся на пять сутокъ ѣзды; мы повстрѣчали въ семъ мѣстѣ Киргизовъ, которые отъ набѣговъ разбойниковъ и черныхъ закаменѣнныхъ Киргизовъ, имѣютъ каменные укрѣпленія, по близости коихъ видны обработанные поля и подвижныя юрты. Они занимаются хлѣбопашествомъ, промѣнивая хлѣбъ кочующимъ Киргизамъ на скотъ, который опять передаютъ проходящимъ караванамъ за товары; въ опасныхъ случаяхъ они въ укрѣпленіяхъ своихъ скрываютъ стариковъ, женъ, дѣтей и скотъ, защищая ихъ до послѣдней капли крови.

По пяти-дневномъ пути, дошли мы до урочища *Цулакъ - Ашу*, то есть: короткій переходъ, гдѣ соединяется гора *Алатавская*, смежная съ обитателями черныхъ закаменѣнныхъ Киргизовъ. Перешедъ гору сію, пошли ровными мѣстами по протекающимъ ключевымъ рѣчкамъ въ каменной горѣ, называемой *Арастанъ-Тау*, то есть: львиная пещера. Привлекательное положеніе мѣстъ, запахъ ароматическихъ травъ и душистые цвѣты, коими усѣяны были зеленѣющіеся берега сихъ прохладныхъ рѣчекъ, сокращали для насъ дорогу, содѣлывая оную весьма пріятною. Въ горѣ *Арастанъ-Тау* находишся пространныя, ископанная природою пещера, имѣющая съ четырехъ сторонъ входы; по одному изъ оныхъ, который былъ опложе, я на лошади вѣзжалъ въ пещеру, обросшую мхомъ и наполненную обломками камней и сухихъ прутьевъ; кажеся, нога человѣческая никогда не всступала въ оную. Взойдя на гору, мы могли обозрѣвать на разстояніи 20-ти верстъ отдаленные предметы, позлащаемые лучами восходящаго солнца. Вдали видны были впереди юрты большой Киргизъ-Кайсацкой орды *Юсунъ-Сыргалинской* во-

лости, кочующей при рѣкѣ *Буралтаѣ*, вытекающей изъ горы *Алатау*. Для ночлегу мы пошли въ симъ юртамъ, и хозяева оныхъ не причинили намъ никакого вреда.

Переночевавъ, отправились на Туркиспанскій городъ *Силкетъ*, завоеванный Коканцами, близъ коего видѣли обиталище прежнихъ Киргизовъ, ихъ сады, курганы и поля; теперь все это запустѣло, ибо они перешли кочевать въ Кизайскимъ границамъ. Мы расположились ночевать на рѣкѣ *Арсъ*, съ шумомъ выпадающей съ горъ. Опустѣлая мѣста сіи и курганы, по временамъ освѣщаемые блѣднымъ сіяніемъ луны, проглядывавшей между горныхъ бурнымъ вѣтромъ пучь, живо напоминали о превращенности временъ и о гибельныхъ войнахъ, поглощающихъ цѣлыя государства и народы. Въ сихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ раздавались нѣкогда по пригоркамъ клики тысячи людей, теперь нарушается безмолвная тишина однимъ шумомъ клубящейся съ горъ рѣки, и встревоженный обитатель давно покинулъ жилище, гдѣ нѣкогда вкушалъ прелести беззаботной жизни.

На другой день мы дали знать о своемъ прибытіи начальнику, который принялъ меня ласково, угощалъ бывшаго со мною у него офицера и нѣкоторыхъ козаковъ, и далъ для сопровожденія до города *Ташкента* 200 человѣкъ войска. *Сим-кетъ* находится при рѣкѣ *Бодамъ*; выстроены на возвышенномъ мѣстѣ и обнесены кѣ яру весьма высокою стѣною. Въздѣ въ городѣ со стороны рѣки по узкой дорогѣ, не позволяющей ѣхать иначе, какъ въ одну лошадь; вода, пущенная изъ рѣки чрезъ сдѣланныя въ стѣнѣ окошки, наполняетъ ископанные въ городѣ каналы, на коихъ построены мельницы; дома выстроены изъ нежженаго кирпича, наподобіе Китайскихъ, безъ оконъ; почему для свѣту въ квартирахъ вездѣ видишь растворенныя на улицахъ двери. Женщины ихъ довольно пригожи, обходительны и не скрываются отъ мужчинъ.

Для отдохновенія лошадей и верблюдовъ, мы пробывши съ караваномъ на одномъ мѣстѣ въ 3-хъ верстахъ отъ города шрое супокъ, и потомъ пошли межъ горъ къ помянутому городу *Ташкенту*; на другой день дошли до высочайшей горы *Козы-суртъ*, на высотѣ коей, утверждающъ

Азіатцы, будпо находишся днище Ноева ковчега. Такъ какъ гора сія имѣла безчисленное множество хребтовъ и ущелій, въ коихъ скрываются хищники; шо я и не могъ бытъ на ней. Ночевавъ на рѣчкѣ *Калесѣ*, выпадающей межъ двухъ горъ оныхъ черныхъ Киргизовъ, на 3-й день подошли къ *Ташкенту*, и за 5 верстъ остановились на рѣчкѣ *Каракамышѣ*.

Ташкентское владѣніе граничитъ къ сѣверу и западу съ *Бухарією*, къ югу съ хребтомъ *Кындыртаускихъ горъ*, а къ востоку съ *террыми закаменѣлыми Киргизами*. Оно было сначала независимымъ, но теперь присоединилось также къ *Коканіи*. Въ семъ мѣстѣ самый лучшій климатъ и, можно сказать, почти вѣчное лѣто. Земля производитъ все шо, что можешь удовлетворять вкусу и взору самаго роскошнѣйшаго человѣка. Пробѣгая владѣніе сіе, вездѣ видишь виноградники и фруктовые сады, въ коихъ гранатовыя, апельсиновыя, персиковыя и фиговые деревья сгибаются подъ тяжестью плодовъ своихъ; а безпрестанно вспрѣчаемые ключи, рѣчки и искусственные водопроводы, орошаемые высокими потоками, кажутся,

призываютъ путешественника къ прохладнымъ спруямъ своимъ. Ташкенцы здоровы, безпечны, роскошны, преданы до чрезвычайности веселостямъ, разбжены, любящъ музыку, ласковы и спрасны къ женщинамъ. Вббзжая въ города, вспрбчаешь жителей безпрестанно толпящихся на улицахъ, пляшущихъ у воротъ или увеселяющихся въ садахъ своимъ музыкою; шамъ кажется вбчное празднество. Кромб особеннаго класса ремесленниковъ, они всб вообще ведутъ праздную жизнь, довольствуясь изобиліемъ садовъ своихъ; подашей никакихъ не плашящъ, и идущъ въ службу единственно по доброй волб. По случаю безпрестанно проходящихъ каравановъ, шамъ вбчное сшеченіе различныхъ Азіатцевъ. Ташкенцы исповбдуютъ Магомешанскую вбру. Женщинъ запрещается видбшь подб спрожайшимъ наказаніемъ; даже родные не имбютъ права входить въ комнашу родственницъ; — хозяева домовъ для пріема гостей имбютъ опдбльные комнашы. Я женщинъ видблъ токмо на базарахъ, но подб покрываломъ; онб спройны и одбваются весьма богато, накидываютъ на себя халаты, на головахъ носятъ чалмы,

а на лице спускающѣ волосяную сѣшку, копорая пришивается къ халашу.

Когда мы увѣдомили о своемъ прибытіи Главнокомандующаго; то онѣ, выславъ шамошнихъ чиновниковъ для взятія пошлины съ каравана, пригласилъ меня съ козацкимъ офицеромъ къ себѣ, принялъ весьма ласково и просилъ съ находящимся при насѣ изъ 40 человекъ опрядомѣ идти въ самый *Кокантѣ*, обѣщая всякое съ своей стороны пособіе; каравану же предложилъ войти въ городѣ.

Послѣ уже мы узнали, что все сіе дѣлалъ онѣ единственно для того, чтобы имѣть случай предать насѣ всѣхъ Владѣтелю своему. Онѣ опшелъ намѣ по другую сторону города палашки, гдѣ мы съ опрядомѣ оставлены были четверо сутокъ, подѣ благовиднымъ предлогомъ, дать опдыхъ изнуреннымъ лошадямъ нашимъ: когда же вздумали слѣдовать далѣе; то дабы обезсилилъ малый опрядѣ нашѣ, принуждалъ оставить для призора за приспалыми лошадьми 15 человекъ козаковъ при одномъ урядникѣ, и задержалъ караванѣ, хотя и взялъ съ него пошлину.

Должно было повиноваться необходимости; я оставилъ въ городѣ караванъ и помянутое число козаковъ, а съ остальнымъ опрядомъ и посланниками — коихъ онъ много спрашивалъ и почти силою вынудилъ отдать ему въ подарокъ Всемилоштивѣйше пожалованные въ Петербургъ халаты — выступилъ въ походъ безъ проводниковъ, не успѣвъ осмотрѣть города. Къ счастью, одинъ изъ бывшихъ со мною посланниковъ зналъ дорогу.

Мы переходили съ большимъ трудомъ въ бродъ рѣку *Сиртикъ*; она такъ быстра, что увлекаетъ за собою камни, и лошади едва въ состояніи были идти черезъ нее. За 15 верстъ не доходя сей рѣки, уже слышалъ шумъ ея; даже козы, барсы и пигры, спрашивающіеся сего шума, далеко бѣгутъ отъ нее въ лѣса или скрывающіеся по ущелинамъ горъ. Она выпадаетъ съ стремленіемъ съ касающейся почти до небесъ горы *Кындыртау*, кошорая намъ была видна еще изъ *Ташкента*, наподобіе облака. На вершинѣ горы сей лежалъ вѣчные снѣга; а внизу видишь множество плодоносныхъ деревъ, лѣсовъ и ключей. Разительное положеніе сихъ мѣстъ, сія рѣка, съ стремленіемъ увлекающая за со-

бою камни, и сіи глыбы вѣчныхъ снѣговъ, грозящія какъ будто низвергнуться съ вершины горы, дабы подавить зеленѣющіяся долины, кажешся, ожидающъ превосходной киспи *Сальваторъ - Розы* и *Эвердингена*. Мы обошли гору и вошли близъ рѣки *Даръи* въ ущеліе каменистыхъ горъ, копорыя, возвышаясь по обѣимъ сторонамъ вверъхъ болѣе нежели на 30 сажень, образовали дорогу, до 10-ти сажень широты имѣющую. Навислые камни, выросшіе на крутыхъ утесахъ горъ сихъ, казалось, угрожали намъ своимъ паденіемъ. Между сихъ горъ разбросаны *Коканскія* селенія восточныхъ Персіянъ, называемыхъ *Голъгами*, т. е. горскими народами, которые занимаются хлѣбопашествомъ и разведеніемъ фруктовыхъ садовъ; лошадей не имѣющъ и упошребляющъ въ работу однихъ верблюдовъ. Жители сіи весьма свирѣпы, обходились съ нами очень грубо; они весьма равнодушны къ женщинамъ и, не подражая обыкновеніямъ Ташкенскимъ, позволяющъ имъ ходишь съ открытыми лицами.

По справку на *Кокантъ* мы пошли мимо горы *Ходжандъ*, въ 15-ти верстахъ отъ горскихъ жителей отстоящей. По

дорогѣ находятся обработанные поля, а вокругъ горы вырытыя ямы, гдѣ Ташкенцы добываютъ бирюзу; не въ дальнемъ отъ сего разстояніи видѣли по близости ключей древній памятникъ, имѣющій внутри ошверстіе, посреди коего выложена каменная могила. Въ семъ мѣстѣ мы останавливались, и поили верблюдовъ и лошадей.

Ошпуда идучи близъ переправы рѣки *Сырѣ-Даріи* песками, усмотрѣли влѣвъ на возвышенномъ мѣстѣ стоящія каменные зданія наподобіе казармъ, никѣмъ необищаемыя; судя по тому, что оныя строены съ извѣсткою (которую вовсе не употребляютъ ни Ташкенцы ни Коканцы, ибо они дѣлаютъ связь изъ глины съ хлѣбными пелѣвами), должно полагать, что зданія сіи построены прежде обишавшими въ сихъ мѣстахъ народами. Остановясь противъ маленькаго городка *Калмышъ-Кургана*, близъ ключей ночевали, и на другой день уже пошли на самую рѣку *Сырѣ-Дарію*, имѣющую около 150-ти сажень ширины. Переправа чрезъ оную устроена на большихъ судахъ наподобіе садовъ, вмѣщавшихъ въ себѣ до 70-ти

верблюдовъ; за опмѣлями, суда сіи не могли подойти близко къ берегу, и мы принуждены были вести верблюдовъ до оныхъ въ бродъ, а попомъ, съ помощію людей, вшаскивали ихъ въ суда; лошади же наши переплыли рѣку вплавъ. Для насъ довольно спранныю показалась сія переправа: по вводѣ верблюдовъ съ шюками, Коканцы къ каждому судну привязали по пяти взнузданныхъ лошадей за гриву къ сшегни; двѣ изъ нихъ были по споронамъ носа, двѣ по споронамъ кормы, а одна привязана была сзади вмѣсто руля. Лошади сіи пуспились вплавъ, замѣняя греблю и шаша вмѣстѣ съ собою судно; у каждой лошади приспавленный особый чловѣкъ управлялъ поводами шакъ, чшобы всѣ онѣ вообще плыли нѣсколько наискосокъ шеченія. Когда суда приспали къ берегу, то лошадей отвязали и вывели на берегъ; — не смотря на быспроту рѣки и на шажестъ груза, мы не примѣшили въ оныхъ никакой усталости. При сей переправѣ содержишся караулъ изъ 20-ти Коканцевъ. Такъ какъ насъ на переправѣ сей встрѣтилъ опкомандированный опъ Коканскаго Владѣшеля чиновникъ; то мы не заплашили за переправу шой пошлины,

которую обыкновенно берутъ съ проходящихъ каравановъ.

Переpravясь очень рано, пошли мы съ провожаемыми по лежащему тракту чрезъ песчаныя горы, гдѣ на пространствѣ 20-ти верстъ совершенно никакихъ произрастѣній не встрѣчали, и подходя къ деревнѣ *Каралолясамъ*, остановились ночевать. Жители оной занимаются хлѣбопашествомъ, разведеніемъ садовъ, шелковичныхъ червей и посѣвомъ хлопчатой бумаги; — деревня сія заключаетъ въ себѣ до тысячи домовъ, складенныхъ изъ глины, безъ половъ, оконъ и печей, въ коихъ для холоднаго времени сдѣланы каминны. Въ деревняхъ *Коканскихъ* женщины отъ мужчинъ не скрываются; — поселяне живутъ безъ нужды, ибо никакихъ подазей не платятъ, кромѣ того, что въ проѣздѣ шамошнихъ чиновниковъ обязаны давать имъ содержаніе и кварширы; рекрутскихъ наборовъ не знаютъ и идутъ въ службу единственно по доброй волѣ. Земля у нихъ хотя глинистая и солонцоватая, но весьма хлѣбородная. Мы шли цѣлый день деревнями, и при закатѣ солнца, около 5-ти часовъ, подошли къ городу *Коканту*.

Коканское государство, до присоединенія къ оному *Туркистанскаго и Ташкенскаго* владѣній, граничило къ сѣверу *гер-ными закаменѣнными Киргизами*, къ западу *кочевными Арабами и Трѣхменцами*, принадлежащими Бухаріи, къ югу *восточными горскими Персіанами*, называемыми *Тольгами или Каратигинями*, а къ востоку областію *Кашкарією*; — нынѣ же, какъ уже выше сказано, помянушыя два владѣнія, поступя въ составъ Коканскаго государства, увеличили собою границы онаго. Сіи самыя страны, извѣстныя Европейцамъ подъ названіемъ независимой Ташаріи, были пою колыбелію, изъ коей вышли всѣ народы, погромившіе почти весь тогда извѣстный міръ, и коихъ потомки и понынѣ владычествуютъ надъ Азією. Большая часть народовъ, прилегающихъ къ восточной и юговосточной сторонѣ къ Коканской порубежной линіи, нынѣ подданные или данники Китайцевъ, покорившихъ ихъ силою оружія въ 1789, 790 и 791 годахъ.

Самые достопримѣчательные города, находящіеся по близости Коканскаго государства, суть: *Самаркандъ*, столица славнаго *Тамерлана*; *Балка* и *Бокара*,

извѣстные безпримѣрною жестокостію
Цингисъ-Хана; Отраръ, гдѣ умеръ *Тамер-*
ланъ, и *Тонкатъ*, въ коемъ *Цингисъ-Ханъ*
 держалъ общій сеймъ всѣхъ Хановъ, пра-
 вишелей обласшей и военачальниковъ своей
 имперіи. На семъ сеймѣ представлялось
 ему тогда 500 человекъ посланниковъ отъ
 покоренныхъ имъ земель; а одинъ изъ его
 сыновей сдѣлалъ подарокъ ему, изъ 100,000
 лошадей состоящій!! Въ семъ мѣстѣ кли-
 матъ жаркій, и по мѣрѣ приближенія на
 востокъ, дѣлается столь нестерпимымъ,
 что даже пшцы, не будучи въ состояніи
 переносить зноя, улетающъ далеко отъ
 сихъ мѣстъ; по сему самому здѣсь встрѣ-
 чаетъ только скрывающихся въ камняхъ
 и камышахъ небольшихъ степныхъ ку-
 рицъ, называемыхъ тагя, и фазановъ.
 Жители много бы имѣли сходства въ ха-
 рактерѣ съ Ташкенцами; но побѣды сдѣ-
 лали ихъ весьма надменными. Роскошь,
 нѣга и удовольствія, основанныя на сла-
 сполюбовіи свойствѣ, заставляющъ
 ихъ изобрѣтать различные способы къ
 чувственнѣйшему наслажденію; — и я не
 знаю, должно ли приписать скромности
 женщинъ ихъ, или чему другому, что
 во всемъ Коканскомъ государствѣ нѣтъ

ни одного публичнаго дома, ни одной женщины, торгующей своими прелестями. Коканцы имѣютъ торговлю: съ *Кашкарією*, *Китасмъ*, *Хивой*, *Бухарією* и восточными горскими *Персіанами*.

У засады города *Коканта* мы одѣли козаковъ въ полную аммуницію. Войдя въ городъ, проведены были мимо дворца съ посланниками до назначеннаго намъ мѣста въ концѣ города, гдѣ поставлены были въ саду, неимѣющемъ никакого другаго жилища, кромѣ одной избы. Здѣсь потѣ же часъ взяли онѣ меня посланниковъ, и дали для козаковъ 2 юрты; я же для себя съ Сопникомъ *Безбязковымъ* разбилъ бывшую съ нами палатку, а лошадей въ саду развязали по коновязямъ. Къ намъ приставили караулъ изъ 15-ти человекъ при 1-мъ чиновникѣ, и не позволяли выходитьъ вонъ изъ сада; лошади цѣлыя сучки не имѣли корму.

Въ ночи пріѣхалъ ко мнѣ Визирь; сначала спрашивалъ: за чѣмъ мы пріѣхали? Я отвѣчалъ ему, что мы прибыли для открытія съ ними торговли и для препровожденія посланниковъ. Потомъ онъ сдѣлалъ вопросъ: гдѣ главные два посланника? И я долженъ былъ объяснить, что

они были милосливо приняты Россійскимъ ИМПЕРАТОРОМЪ, и опущены надѣленные подарками въ свое опечесство; что одинъ изъ нихъ на возвращномъ пути въ крѣпости Пешропавловской, ожидая каравановъ, умеръ отъ болѣзни; а другой, по развратной жизни своей, свелъ непристойное своему званію знакомство съ сосланнымъ въ започеніе солдатомъ, слѣдствиемъ коего было то, что онъ убилъ его; что за сіе преступленіе, по повелѣнію корпуснаго Командира, сей солдатъ содержишся подѣ карауломъ въ оковахъ, во ожиданіи спрожайшаго наказанія отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Наконецъ онъ спрашивалъ: гдѣ караванъ нашъ? И я оповѣчалъ, что Градоначальникъ *Ташкента* оставилъ его въ городѣ *Ташкентѣ*; а я, по Высочайшему повелѣнію ГОСУДАРЯ моего, пріѣхалъ сюда сдать посланниковъ, и вручить Владѣтелю Высочайшую грамоту и подарки.—Отобравъ сіи свѣденія, онъ отъ меня уѣхалъ. На другой день опять возвращаясь, объявилъ, что Владѣтель назначилъ для нашихъ лошадей и верблюдовъ въ сушки по 4 чешверти бѣлояроваго пшена и по 200 сноповъ сѣна, полагая на каждую лошадь и вер-

блюда по 2 снопа сѣна и по 10-ти фунтовъ пшена; для насъ же всѣхъ на 30 человекъ приказалъ давать: по одному барану, по 50-ти бѣлыхъ крупичастыхъ хлѣбовъ, въсѣмъ каждый въ 1 фунтъ, по чешверику сарачинскаго пшена, по полуфунта низкаго соршу чаю и по одной дынь. Для лошадей и верблюдовъ продовольствія сего было весьма недостаточно, и мы принуждены были прикупать пшено сіе въ душкахъ. Произрастѣніе сіе имѣетъ вышины болѣе двухъ аршинъ, а полщиною въ три пальца, съ большими лисьями; на концѣ же онаго большая кисть съ пшеномъ; сіи душки мы спротаги ножами и клали въ хрепшухи.

Мы прибыли въ *Кокантъ* уже въ первыхъ числахъ Октября; зимы шамъ не было, погода была теплая, деревья имѣли лисъ, и земля одѣва была правою. Съ утра до 5-ти часовъ вечера продолжался жаръ; а ночи были темныя и нѣсколько холодовашья.

На другой день другой чиновникъ присланъ былъ спросить меня: почто ли посланъ былъ караванъ для открытія торговли и дѣйствительно ли оставленъ въ *Ташкентѣ*?

Въ продолженіе нашего ареста народъ съ утра до ночи толпился въ саду смотрѣвъ на насъ, какъ на чудо; разсмащивали нашу аммуницію, красныя козацкія шапки, сабли, ружья и пистолешы; до сего времени они не видали еще ниодного Рускаго! Мы не имѣли покоя ни на минушю, и караулъ принужденъ былъ выгонять ихъ палками. Когда намъ позволено было лошадей выпустить на подножный кормъ, гдѣ пасушся шокмо аргамаки Владѣтеля; то главные чиновники просили насъ показатъ имъ конную и пѣшую экзерциціи. Козачій офицеръ выбралъ лучшихъ козаковъ, маршировалъ, палилъ плушонгами, дѣлалъ атаку, и сими маневрами совершенно изумилъ Коканцевъ. По окончаніи экзерциціи, просили они показатъ имъ вблизи нѣсколько козаковъ; мы, дабы заславить ихъ болѣе бытъ въ почтеніи къ себѣ, посадили проихъ челоувѣкъ нарочно на шѣхъ лошадей, на коихъ въ чухкахъ были уже заряженные пистолешы; а какъ козаки въ дорогѣ носили пистолешы въ сакмѣ на сабельномъ поясѣ: то и вышло такъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ чешыре писто-
леша, пику, саблю и ружье. Коканскіе

чиновники, разманивая все сіе и записывая о количествѣ оружія каждаго, говорили, что съ такимъ вооруженіемъ одинъ Руской въ состояніи защищаться противу ста человекъ на подобіе неприступной стѣны. Замѣчая, что подлѣ Высочайшей грамоты ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ палашкѣ моей всегда споялъ часовой, они спрашивали: не ужели онъ не можетъ опойти опъ сего мѣста, и не долженъ спать ни днемъ, ни ночью? И когда я рассказалъ, что часовой не токмо за сохраненіе ввѣренной ему вещи опвѣнчивуешь жизнью; но что и за оспавленіе поста своего неминуюемо по законамъ разспрѣливается: то они сему чрезвычайно дивились.

По прошествіи 11-ти дней ареста, мнѣ назначили день для поднесенія Владѣтелю *Амиръ Валліани* Высочайшей грамоты и подарковъ. Опъ самага нашего сада до дворца, то есть на разстояніи 15-ти верстъ, выстроены были по обѣимъ сторонамъ дороги конныя войска, вооруженныя саблями, копьями и ружьями съ фишилями. Гвардія ихъ, называемая *Калобатери*, была на лучшихъ аргамакахъ, въ богатыхъ плащяхъ и въ кра-

сныхъ чалмахъ; прочія же войска имѣли чалмы бѣлыя.

Около 12-го часу утра я выѣхалъ изъ саду съ офицеромъ *Безъязыковымъ* верхомъ; козаки же наши были спѣшны и раздѣлены на 2 взвода, между коихъ 4 человека при 1-мъ урядникѣ несли ящикъ съ Высочайшею грамотою и подарками. Передъ нами ѣхалъ главный чиновникъ въ лапахъ со щипомъ, имѣя возлѣ себя вершника, который безпрестанно билъ въ лишавры. Коканцы весьма удивлялись, что козаки, не разспроивая взводовъ, шли прямо чрезъ пропущенные по улицамъ ключи, хотя вода и не касалась имъ выше лодышекъ, и называли Рускія войска безсмертными. При приближеніи нашемъ къ каждой сошнѣ, начальникъ оной всегда присоединялся къ провождавшему насъ чиновнику, и слѣдовалъ рядомъ съ нимъ до другой сошнѣ, гдѣ другой сошеный начальникъ смѣнялъ его. Пройдя конницу, мы увидѣли пѣхоту, которая хотя и стояла во фронтѣ, но держала ружья по своему произволу: иной къ ногѣ, а иной на плечо. Намъ замѣтно было, что, за недоспашкомъ войска на столь дальнемъ разстояніи, задніе обѣгали другими ули-

цами и опять спановились впереди по назначенному намъ пуши.

Не доходя до дворца 150-ти сажень, намъ приказано было сойти съ лошадей, и мы пѣшіе приведены были вмѣстѣ съ козаками къ ворошамъ обширной ограды дворца, гдѣ дожидались около получаса, пока о насъ докладывали. Спеченіе народа было столь велико, что всѣ возвышенныя мѣста, дома, кровли, стѣны и заборы усѣяны были любопытными зрителями. У дворца мы видѣли множество наваленныхъ морширъ и пушекъ безъ лафетовъ.

Вышедшіе изъ ворошъ два чиновника спросили: кому поручена грамоша? и по полученіи отвѣта, ввели меня въ ограду и показали смотрѣщаго изъ окна Владѣтеля, сказывая, чтобы я опдалъ ему такую же почестъ, какъ своему Государю. По ихъ обыкновенію, не дозволяеся снимать шапокъ; и я, скинувъ шляпу и опдавъ ему поклонъ, надѣлъ опять оную. Около палатъ въ оградѣ подъ навѣсами сидѣли на покрытыхъ коврами возвышенныхъ мѣстахъ въ рядъ Визиря и всѣ главные чиновники, составляющіе верховный совѣтъ Владѣтеля.

Я развернулъ Высочайшую ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА грамоту и переводное письмо Государственнаго Канцлера и, держа оныя на головѣ обѣими руками, приведенъ былъ подъ руки въ комнату Владѣшеля, который сидѣлъ на возвышенномъ тронѣ съ сшупениями. Владѣшель былъ не болѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, имѣлъ на себѣ Кишайскаго шпофа на золотѣ блестящій халатъ, а на головѣ шаль съ золотыми бахрамами и кисьями. Меня подвели къ нему подъ руки два Визиря, а 3-й отворялъ двери. Приказано было преклонить колѣно; и *Амиръ Валліали*, принявъ у меня съ головы грамоту и переводное письмо, отдалъ оныя споявшему подлѣ него Визирю; попомѣ привсавъ съ трона, подалъ мнѣ руку, которую, по ихъ обыкновенію, я долженъ былъ пожать обѣими руками. Послѣ сего безмолвнаго привѣщствія, меня взяли Визиря опять подъ руки и отвели, не оборачивая къ нему спиною, къ самой двери. Владѣшель спрашивалъ о здоровьи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и не имѣю ли я какихъ словесныхъ повелѣній? Я отвѣчалъ, что не имѣю и что все заключается въ сей грамотѣ и въ имѣю-

щихся при мнѣ двухъ письмахъ корпуснаго командира Генералъ - Лейтенанта *Глазена*.

Послѣ сего вывели меня опять на ограду и посадили на разосланный богатый коверъ прошивъ его окна, разстояніемъ отъ онаго на 8 сажень. Такимъ образомъ вводили козачьяго офицера *Безъязыкова*, и посадили со мною рядомъ по лѣвую руку. За нами, подъ навѣсами, сидѣли послы: *Китая, Хивы, Бухаріи, Сарсауса и восточныхъ горскихъ Персіанъ*. Приказано было ввести нашъ отрядъ и внести съ подарками запершій ящикъ; козаковъ, по обыкновенію Коканскому, посадили также на ковры поодаль насъ; а 8 человекъ чиновниковъ Коканскихъ, взявъ чепыре опояски и поддернувъ оныя подъ ящикъ, подняли оной и понесли въ комнаты Владѣтеля, показывая предъ Азіатскими послами видъ о чрезвычайной его тяжести. Такъ какъ ключъ отъ ящика былъ у меня, то Владѣтель выслалъ ко мнѣ за онымъ.

Главный Визирь *Мурза Малля* чрезъ нѣсколько времени вынесъ изъ палаты на головъ помянутую грамошу съ переводнымъ письмомъ и показывалъ оную

верховному совѣту, который съ почтеніемъ ее разсматривалъ; попомъ онъ обратнo понесъ ее въ палаты.

Владѣтель, въ извѣщеніе особеннаго удовольствія, сдѣлалъ для насъ, для Азіатскихъ пословъ и для чиновниковъ своихъ торжественный обѣдъ, состоящій изъ сарацинскаго пшена, окрашеннаго розовою краскою съ лошадинымъ мясомъ; но мы не ѣли онаго, опшываясь запрещеніемъ нашей религіи.

По окончаніи стола, поднявъ насъ, вывели изъ дворца, посадили на коней, и мы съ прежнимъ чиновникомъ побѣхали обратнo въ опшведенный намъ садъ. На возвращеніи пущи нѣкоторые изъ разспавленныхъ войскъ, удивляясь обшпанутому плашью козаковъ, спегали ихъ плепками; идущему на флангъ козаку *Любимскому* сіе привѣшшвіе споль не понравилось, что онъ, оборощя ружье, ударилъ одного прикладомъ въ грудь и вышибъ изъ сѣдла; вмѣсто того, чшобъ за сіе сердиться, Коканцы похвалили мужество его и громко смѣялись. Въ послѣдствіи времени мы узнали, что тамошнему чиновнику ничемъ сполько нельзя пріобрѣсти названіе храбраго воина, какъ обижашъ и

бишь всѣхъ мимопроходящихъ; даже про-
шой солдатъ ихъ, которому не успѣють
дать дороги, толкаетъ и бьетъ плѣтью
каждаго, — и народъ съ подобострастіемъ
уступаетъ ему безъ ропота.

По возвращеніи нашемъ, въ тотъ
же день Владѣшель прислалъ къ намъ
2-хъ чиновниковъ съ просьбою, дабы мы
доставили ему посмотришь 2 ружья и
2 пистолепа, которые мы ему и по-
слали; а какъ оныя ему весьма понра-
вились, то онъ, оставивъ ихъ у себя,
въ замѣну того прислалъ намъ въ подарокъ
1500 серебрянныхъ денегъ (называемыхъ
рулей), величиною въ Россійскій чешвер-
танъ: монеты сей мы не хотѣли при-
нять; но чиновники, высыпавъ оную въ
палаши на землю, уѣхали, — и мы деньги
сіи опдали въ пользу козаковъ. Съ сихъ
поръ намъ уже позволено было самимъ
выходить изъ саду на базаръ; но караулъ
все еще не снимали.

Чрезъ два дни офицеръ *Безбязиковъ*
съ старшимъ урядникомъ былъ призванъ
къ Секретарю Владѣшеля, который, при
собраніи главныхъ чиновниковъ, подарилъ
его отъ имени Владѣшеля 2-мя халашами
съ ополскою, а урядника 1-мъ халашомъ,

объявля волю Владѣтеля, чѣобы отрядъ нашъ чрезъ три дни возвратился въ Россію; а что я, такъ какъ посланный для открытія пражта, оставенъ буду въ Коканіи до весны, по наступленіи коея, вмѣстѣ съ караваномъ и декупахами, долженствующими отправиться на Сибирскую линію для узнанія истинной причины смерти ихъ посланниковъ, возвращенъ буду въ свое общество.

Когда отрядъ выступилъ изъ Коканта въ обратный путь; то я съ оставшимися при мнѣ 4-мя козаками и 1-мъ урядникомъ побѣхалъ проводить оный за городъ; я уже тогда примѣшилъ, что за мною присматривающіе свое Коканцевъ, когда они, подѣхавъ ко мнѣ, объявили, что уже пора возвратиться въ городъ. Мы прощались съ товарищами нашихъ опасностей со слезами, полагая, что видимся съ ними уже послѣдній разъ въ жизни, и поручали имъ отвезти заочныя благословенія дѣтямъ нашимъ.

Меня съ урядникомъ и козаками отвели въ домъ градоначальника, и провели черезъ три двора въ отдаленную ограду дому его, имѣющую кругомъ стѣну около 3-хъ саженъ вышины, гдѣ по-

спавлена была Киргизская юрта; къ ночи при двора сіи запирались замками; къ намъ приспавленъ былъ избъ 10-ти человекъ караулъ съ чиновникомъ, и ешъли когда и позволяли выходить на базаръ; то съ провожащими. Во время ночи, дабы Коканцы не покусились на насиліе, я ставилъ у юрты своего часового, и ружья всегда были заряжены боевыми патронами. Мы поклялись, въ случаѣ опасности, продать дорогою цѣною жизнь нашу. Такъ какъ мы опасались ъсшь приготовленные ими кушанья и ошсылали оныя обратно; то намъ опредѣлено было на каждую недѣлю, по положенію проспаго солдата: по 1-му полугодовому барану, по 7-ми фунтовъ на человека бѣлаго хлѣба и по золошнику чаю.

По прошествіи 12-ти дней, когда Коканцы получили извѣстіе, что опрядъ нашъ вышелъ избъ ихъ предѣловъ, пошребованъ я былъ къ главному начальнику во дворецъ. Будучи окруженъ чиновниками, онъ спрашивалъ: какимъ образомъ я намѣренъ расплатиться за убитаго въ Россіи посланника? плашежемъ ли окупа на удовлетвореніе родственниковъ его,

какъ они того пребуютъ изъ прибывшаго со мною каравана, или приняшь ихъ вѣру; — буде же не захочу сдѣлать ни того ни другаго, то буду казнёнъ, указывая на рель (висѣлицу). Онъ говорилъ, что Владѣшель, буде я приму Магомешанскую вѣру, обѣщаетъ сдѣлать меня чиновникомъ, дастъ лучшихъ 3-хъ женъ и 3-хъ аргамаковъ, и что окупъ за убитаго заплашишь изъ своихъ доходовъ; желая убѣдить меня приняшь ихъ вѣру, онъ представилъ мнѣ молодую, богато одѣтую 15-ти лѣтъ прекрасную дѣвушку, не смотря на то, что законъ ихъ воспрещаетъ видѣть женщинъ. Я ошвѣчалъ, что окупа не могу заплашить; ибо караванъ принадлежитъ Россійскому купечеству, а не мнѣ, и я располагаю имъ не могу; измѣнишь вѣрѣ и своему Государю не хочу; а смерти не боюсь, ибо увѣренъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ не оставитъ Коканіи безъ опмщенія. Видя, что я ошвѣчаю смѣло, онъ приказалъ ошвесити меня обратно. Съ сихъ поръ градоначальникъ получилъ приказъ приглашать меня къ себѣ; онъ дѣлалъ веселыя вечеринки, на коихъ играла музыка, пѣли пѣсельники и плясали мальчики.

Такъ какъ я видался часто съ первыми чиновниками, то нѣкоторыхъ изъ нихъ преклонилъ подарками на свою сторону; инostrанные же прикащики, бывшіе въ нашемъ караванѣ, коихъ мы иногда встрѣчали на базарѣ, удалялись, боясь говорить съ нами, какъ съ такими людьми, которые подверглись немилости Владѣтеля.

Коканское Правительство, не получивши согласія моего на всѣ казавшіяся ему лестныя и выгодныя предложенія и, можетъ быть, опасаясь, чтобы я не изыскалъ какого-либо случая пробраться въ Россію, рѣшилось отдалить меня отъ практа къ оной и отправить къ Персидскимъ границамъ восточныхъ Персіанъ, къ сторонѣ Кишанъ.

Для исполненія сего намѣренія, отъ имени Владѣтеля, ко мнѣ былъ присланъ чиновникъ, приглашая насъ ѣхать на охоту въ городъ *Маргяндъ*, отстоящій около 250-ти верстъ отъ *Коканта*, гдѣ Владѣтель имѣетъ свои луга, и гдѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца съ своею свитою занимается пшичною охотою и правлею барсовъ и шигровъ. Хотя я и былъ тайно увѣдомленъ на одной изъ вышеупомянутыхъ вечеринокъ, что это одинъ шокмо

предлогъ для удаленія меня изъ *Коканта*; но должно было повиноваться.

Меня опшравили съ козаками на 2-хъ шелѣгахъ, въ сопровожденіи 1-го чиновника и 2-хъ вощиковъ, по шракшу, лежащему къ сторонѣ Персіи; мы спарались на ночлегахъ вслушиваясь въ разговоры, и узнали, что чиновнику сему дано было шайное повелѣніе препроводить насъ на Персидскія границы въ укрѣпленіе *Армазаръ*. Держась хребта горъ *Кошкаръ-Диванъ*, пролегающихъ отъ *Китая* къ городу *Самарканду* (Бухарскому владѣнію), и пробѣжая множество деревень, мы выѣхали на пущую песчаную степь, имѣющую до 40 верстъ въ поперечникѣ. Видя удобное мѣсто, я бросился къ чиновнику съ обнаженною саблею, приказывая ему, ешлы хочешъ быть живъ, сказать безъ запирашельства: куда везешъ насъ? Дрожа отъ спраху, онъ отвѣчалъ, что везешъ насъ, по шайному повелѣнію, въ укрѣпленіе *Армазаръ*, и что ешлы я не хочу ѣхать шуда, то могу опшравиться по шракшу въ городъ *Маргелянъ*, указывая на синѣющуюся вдаль, на разстояніи 50-ти верстъ, башню, которая, говорилъ онъ, построена въ семъ городѣ;

и въ справедливости словъ своихъ, что дѣйствишельно въ той сторонѣ находится *Маргьяндѣ*, заклиналъ себя Алкораномъ.

Мы поворошили на востокъ, держа на помянутый городъ, въ который и прибыли черезъ 2 дни. Проѣхавъ означенную песчаную степь, встрѣчали безпрестанно разбросанныя многолюдныя деревни, коихъ жители совершенно ни въ чемъ не нуждаются и ведутъ жизнь, можно сказать, щастливую, имѣя у себя большіе фруктовые сады и пашни; на всѣхъ лицахъ написано было удовольствіе; они занимающся издѣліемъ хлопчатой бумаги и разведеніемъ шелковичныхъ червей.

Когда подѣхали мы къ городу, градоначальникъ онаго выслалъ къ намъ на встрѣчу чиновниковъ, которые и ввели насъ въ городъ; спеченіе любопытныхъ зрѣтелей было столь велико, что улица, по коей мы ѣхали, можно сказать, усеяна была народомъ; не смогши на то, что чиновники, дабы дать намъ нѣсколько мѣста подвигаться впередъ, били людей нещадно по головамъ плѣшми и давили лошадьми, народъ, какъ морской валъ, безпрестанно напиралъ на насъ. Намъ

опвели казенный домъ, гдѣ хопя и былъ приспавленъ для спокойствія нашего караулъ, но народъ врывался силою въ ограду, опбивалъ двери и толчился въ комнатахъ въ шакомъ множествѣ, что съ трудомъ можно было дышать. Кишайскій посолъ, жившій неподалеку отъ насъ, видя безпокойствіе наше и сжалившись надъ нами, присылалъ ко миѣ совѣтовашь, чпобы я своимъ козакамъ приказалъ бишь народъ и выгоняшь вонъ, присовокупя къ тому, что безъ сего средства онъ не дастъ намъ покою. Я опдалъ, сообразно сему, приказъ, и хопя козакъ и били любопытствующихъ изъ всей силы нагайками, выпалкивая ихъ вонъ и выпаскивая за воротъ; но, спустя нѣсколько времени, оняшь набиралось ихъ сполько же. Въ продолженіе 8-ми дней намъ не было ни минушы покоя; но уже послѣ, когда наглядѣлись на насъ, мы получили родъ нѣкошораго опдохновенія, кошорое намъ было весьма необходимо. Когда Кишайскій посолъ выѣхалъ, то насъ перевели въ занимаемый имъ домъ.

Мы получали отъ градоначальника въ сущки по фунту говядины и хлѣба и по золошнику чаю; количество же фу-

ража отпускалось по самое, какое и въ *Кокантѣ*. Приспавленный караулъ никуда не выпускалъ насъ, и мнѣ шокмо позволено было ѣздить къ Датъ-хану (Вице-королю) *Мулла-Шай*, управляющему всѣми окружными мѣстами къ споронѣ восточныхъ Персидскихъ границъ, который нисколько не сердился, что мы самовольно, прошивъ желанія Коканскаго Правительсва, прѣехали въ *Маргяндѣ*.

Подарками я убѣдилъ его внушить Хану о хорошемъ расположеніи Россіи къ Коканіи и о пользѣ, какую можетъ она имѣть отъ торговли съ Рускими. Въ продолженіе 3-хъ мѣсячнаго пребыванія нашего въ *Маргяндѣ* подъ арестомъ, онъ очень хорошо принималъ меня, и обѣщалъ употребить всѣ средства къ исполненію моихъ желаній. Чрезъ его стараніе, Владѣтель далъ повелѣніе освободить насъ и возвратить обратно въ *Кокантѣ* другимъ шрактомъ, обведя кругомъ всего владѣнія, для показанія намъ всѣхъ городовъ и селъ, въ Коканскомъ государствѣ имѣющихся. Насъ шотчасъ освободили, и въ продолженіе 3-хъ дней, по естѣ до выхода изъ города, я старался разсмотрѣть оный. Народъ когда замѣчалъ,

что мы безъ вспомошнихъ чиновниковъ; по бѣжалъ за нами толпами, кидалъ въ насъ камнями и кричалъ: *кафаръ! кафаръ!* по есть: безбожники. Мы жаловались Дашъ-хану; онъ старался прекратить сіи буйства; но, не будучи въ состояніи обуздать самовольную чернь, совѣтовалъ намъ, дабы не обращать на себя народнаго вниманія и чѣобы избавились отъ безпокойства, носить Азіатскіе халаты, и что ешлы и за симъ будемъ насъ провожигъ; по мы можемъ бить нахаловъ сами. — Въ сіе время получилъ извѣстіе изъ оставшагося въ *Кокантѣ* нашего каравана, что бѣглый Казанскій Ташаринъ *Абдулъ* провелъ въ *Маргяндѣ* бывшаго въ плѣну въ Бухаріи Рускаго для продажи чернымъ закаменѣннымъ Киргизамъ. Желая, во что бы то ни стало, освободить единовѣрца изъ неволи, я убѣдилъ Дашъ-хана опыскать Ташарина сего, говоря, что находящійся у него Руской есть родственникъ одного изъ бывшихъ при мнѣ козаковъ. Дашъ-ханъ, не найдя его въ городѣ, посылалъ чиновниковъ въ окрестности, и его схватили уже вмѣстѣ съ плѣннымъ у черныхъ Киргизовъ;

ихъ обоихъ привели въ городъ и доставили ко мнѣ.

Ташаринъ лажъ наспрачалъ Рускаго, говоря, что мы, будучи задержаны Коканцами, никогда не возвратимся уже въ Отечество, и что его казнятъ вмѣстѣ съ нами, ешлы онъ опкроемъ, что онъ Руской, что сей несчастный, дабы избѣгнушь распросовъ, припворился нѣмымъ, показывая знаками, что онъ Азіаецъ. Дабы привести его къ признанію, я показывалъ ему образъ; но онъ ошпалкивалъ оный. Одинъ изъ козаковъ, видя сіе, прослезился, называлъ его своимъ братомъ, обнималъ; но все было тщетно. Не смотря на столь упорное заперашельство, я выпросилъ его у Дашъ-хана къ себѣ; а Ташарина ошдалъ градоначальнику, который различными пышками заставилъ его признаться, что плѣнный сей дѣйствительно Руской; что онъ сманилъ его изъ рабства изъ Бухаріи и велъ скрытно пѣшкомъ для продажи чернымъ Киргизамъ подъ видомъ нѣмага родшвенника, идущаго на поклоненіе къ *Тахъ-Судейманъ* (прешолу *Соломона*). Ташаринъ сей, спрашась угрозъ бытъ предану смерти, заставилъ говорить Рускаго, кошо-

рый наконецъ показалъ, что онъ былъ крѣпостной человѣкъ помѣщицы Курской губерніи Маіорши *Зыбиной*, онъ коей въ 1807 году бѣжавъ въ *Оренбургъ*, былъ схваченъ Киргизами и проданъ за 40 червонныхъ въ Бухарію, гдѣ находясь въ рабствѣ, подговоренъ къ побѣгу Ташариномъ *Абдуломъ*, который обѣщалъ оповестить его къ находящимся въ Коканіи Рускимъ; но на дорогѣ увѣрилъ его, что Руское посольство задержано, и что если онъ присоединится къ оному, то будетъ Коканцами лишенъ жизни, и что по сей-то самой причинѣ, дабы его не открыли, онъ и пришворился нѣмымъ. Дашъ-ханъ хопѣлъ повѣсиль Ташарина; но я упросилъ не наказывать его смертію, а содержать подъ арестомъ до нашего выхода изъ *Маргянда*. За опысканіе Ташарина и Рускаго я подарилъ чиновникамъ 800 серебряныхъ рупѣевъ.

Областный городъ *Маргяндъ* содержитъ въ себѣ около 30-ти верстъ въ окружности; укрѣпленій никакихъ не имѣетъ, кромѣ того, что въ пяти верстахъ разстоянія къ границѣ восточныхъ горскихъ Персіанъ находится крѣпость *Ярмазаръ*, вмѣщающая въ себѣ до 20,000 войска,

отѣ коей въ 12-ти верстахъ расположе-
на уже Персидская крѣпость *Алай*. До-
мы въ городѣ сложены изъ глины, безъ
оконъ, улицы пѣсныя; есть множество
древнихъ огромныхъ памятниковъ и пор-
тиковъ, изъ коихъ нѣкоторыя сохранены
въ совершенной цѣлости. Въ срединѣ го-
рода, въ видѣ открытаго храма, возвы-
шается зданіе, внутри коего поставлено
красное шелковое знамя. Коканцы почи-
таютъ оное священнымъ, имѣя преданіе,
что оно принадлежало *Патшѣ Искандару*
(*Александру Македонскому*), который буд-
то, по возвращеніи изъ Индіи, умеръ въ
пескахъ и похороненъ въ семь мѣстѣ,
хотя *Плутархъ*, *Арѣанъ*, *Квинтъ-Курцій*
и всѣ прочіе комментаторы единогласно
утверждаютъ, что онъ умеръ и похоро-
ненъ въ Вавилонѣ за 323 года до Р. Х.
Во время опредѣленія въ *Маргяндѣ* но-
ваго градоначальника, тамошнее духовен-
ство беретъ знамя сіе и съ пѣніемъ идетъ
съ онымъ чрезъ весь городъ къ началь-
нику съ поздравленіемъ, который, въ изъ-
явленіе благодарности, привязываетъ на
знамя въ подарокъ духовенству богатую
парчу, разныя машеріи, и даритъ ихъ
деньгами, хлѣбомъ и яблоками. Рынокъ или

базарѣ устроены рядами; въ назначенные для продажи два дни въ недѣлю народъ съ утра до вечера толпился во множествѣ. Правительство строго смотрѣло, чтобы купцы не обмѣливали и не обвѣшивали. Въ городѣ находясь разныя фабрики, на коихъ выдѣлываютъ Персидскія парчи, бархаты и разныя Азіатскія матеріи, кошторыя они передаютъ въ Бухарію и Кашкарію; отъ сей послѣдней получаютъ чай, фарфоровую посуду, въ ямбахъ серебро, камфу, краски и всѣ лучшія Китайскія матеріи.

Я видѣлъ, что восточные горскіе Персіане скупаютъ на базарѣ хлопчатую бумагу въ шишкахъ и, на подобіе каравановъ, отправляются пѣшіе чрезъ *Армазаръ* въ *Алай* черезъ горы, неся на себѣ бумагу сію въ корзинахъ. Жители города ведутъ жизнь довольную и спокойную; женщины ихъ пригожи, спашны и весьма щеголеваты; полюбили Рускихъ козаковъ, и когда замѣчали, что не было Азіатцевъ, то подымали съ лица смѣшку, разговаривали съ ними и всегда хвалили Руской законъ, воспреещающій многоженство. Козакамъ онъ также нравились; каждый изъ нихъ при видѣ женщины по-

правлялъ аммуницію и, закручивая рукою свои длинные усы, или гремя саблею, сшарался казаться молодцомъ.

Насъ опсправили съ 1-мъ чиновникомъ изъ *Маргльяда* въ провинціальный городъ *Андыджанъ*, находящійся въ 150-ти верстахъ, къ споронъ Кипая. По дорогъ на упадающей изъ горы *Кашкаръ-Дивана* рѣкъ *Сыръ-Дарги* учреждена поршова застава *Ошъ*, гдѣ взиается пошлина съ проходящихъ изъ Кипая и въ Кипай каравановъ. Въ правой рукъ на утесѣ помянушой горы мы видѣли поспроенныя два древнія зданія, подъ коими находишся большая пещера. Вожапый намъ сказывалъ, что зданія сіи называются *Тахъ-Сулейманъ*, по Руски: престолъ *Соломоновъ*, и что шамоніе Азіапцы каждый годъ ѣздяшъ на поклоненіе къ мѣспамъ симъ, ушверждая, будто въ семъ мѣспѣ поклонялись духи *Соломону*. Зданія сіи никѣмъ необишаемы.

Андыджанъ граничитъ съ *Кашкарією*, окруженъ селеніями, изобируетъ всякими фрукшамы; жишели занимаются разведе-ніемъ шелковичныхъ червей, выдѣлкою бумажныхъ машерій и хлѣбопашеспвомъ; имѣюшъ торговлю съ кочующими по бли-

зоспи дикими черными закаменѣнными Киргизами, ошѣ коихѣ и получають всякаго рода скопѣ. Чѣобы не обращать на себя вниманія любопытнаго народа, мы имѣли на себѣ при вѣздѣ Азіатскіе халашы. Городѣ сей не имѣетѣ никакихѣ укрѣпленій, кромѣ замка Губернапорскаго, обнесеннаго вокругѣ стѣнами съ 4-мя вѣздами, вѣ коемѣ помѣщено до 10,000 человекѣ войска. Солдатѣ ихѣ живетѣ вмѣстѣ съ женою и лошадыю; вѣ 1-й комнатѣ держитѣ лошадь, а вѣ другой жену. Градоначальникѣ на своемѣ иждивеніи содержитѣ войско, удѣляя на содержаніе онаго часѣ доходовѣ, получаемыхѣ ошѣ пошлины съ привозныхѣ шоваровѣ. Дома выстроены вѣ городѣ также изѣ глины; улицы кривыя.

Мы остановились вѣ городѣ на два дни, и ошпуда опшправились вѣ городѣ *Намангантѣ*, расположенный вѣ разстояніи 120-ти верстѣ. По дорогѣ видѣли луга, принадлежащіе Коканскому Владѣтелю, обнесенные выкопанными широкими канавами и камышемѣ, при коихѣ содержатѣся караулы, охраняющіе ншицѣ и звѣрей. Сюда прѣзжаетѣ Владѣтель съ большою свишою на охошѣ.

Мамангант также не имѣетъ никакихъ укрѣпленій, кромѣ замка Губерна-порскаго; войска въ городѣ не болѣе 1,500 человѣкъ. Городъ весьма многолюденъ, имѣетъ бумажныя фабрики и почищается самымъ изобильнѣйшимъ на счетъ фруктовыхъ деревьевъ, съ коихъ плоды развозятъ во всѣ города Коканіи. Торговля производится также съ черными Киргизами.

Опшуда повезли насъ въ уѣздный небольшой городокъ *Янакурганъ*, состоящій во 100 верстахъ отъ *Маманганта*; дорогой безпрестанно встрѣчали мы многолюдныя деревни, луга и пашни. Городъ сей никакого укрѣпленія не имѣетъ, кромѣ небольшой въ срединѣ крѣпости, вмѣщающей въ себѣ градоначальника и 200 человѣкъ войска, составленнаго изъ обывашихъ. Переночевавъ на опшеденной намъ квартирѣ, выступили въ путь и перешли чрезъ рѣку *Сырѣ-Даргю*, въ 10-ти верстахъ отъ города протекающую, и пройдя 12 верстъ кочующими Каракалпаками, занимающимися издѣліемъ ковровъ, шерстяныхъ тканей, возвратились въ Мартъ мѣсяцъ 1814 года въ *Кокантъ* для полученія отъ Владѣтеля опшѣнныхъ къ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ писемъ и для забранія оспавшагося каравана. Подойдя къ городу, я послалъ вожакаго извѣстить о нашемъ прибытіи. Намъ вѣрно было опвесити на кварпиру къ купцу, которому и поручили продовольствіе наше. Въ продолженіе 5-ти дней я наспаивалъ о полученіи опвѣстныхъ писемъ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и о скорѣйшемъ опправленіи насъ въ Россію: но какъ караванъ не былъ изгошовленъ къ пуши; по меня и перевели въ ожиданіи сего въ домъ Намѣстника, управляющаго всѣми Визирями, коему хотя было и приказалъ Владѣтель наградишь насъ; но онъ опклонилъ его опъ сего намѣренія, предсавляя, что не слѣдуетъ дѣлать подарковъ за убійство посланника. Онъ велѣлъ мнѣ бышь гошовымъ чрезъ при дни къ опправленію въ *Ташкентѣ* вмѣстѣ съ козаками, для ожиданія шамъ каравана, опвѣстныхъ писемъ и Коканскихъ депушатовъ, назначенныхъ къ опсылкѣ на Россійскія границы для узнанія истинной причины смерти посланника.

Въ сіе время я осмашривалъ *Кокантѣ*. Городъ сей весьма обширенъ и многолю-

денѣ; въ немѣ счишаютъ до чепырехѣ сомѣ мечешей; расположенѣ на ровномѣ мѣстѣ и не имѣешъ никакого укрѣпленія, кромѣ замка Владѣшеля; изобилуетъ ключами; въ окружности лежатъ деревни, луга и пашни; земля солонцовашая. Въ городѣ улицы узкія, немощеныя; дома здѣланы также изъ глины; посреди города построены три каменные рынка, на коихъ производится торгъ два раза въ недѣлю; въ нѣсколькихъ мѣстахъ находящія древніе памятники и близь замка огромныя изъ зженаго кирпича конюшни для аргамаковъ Владѣшеля; войска болѣе 20,000 человекѣ. *Кокантѣ* и все Коканское государство изобильно хлопчатною бумагою и шелковичными деревьями; вездѣ видишь засѣянныя хлопчатною бумагою поля, изъ коей Коканцы приутопляютъ шкани и мѣняютъ оную Бухарцамъ на Россійскіе товары, какъ-то: на желѣзо, выдрѣ, сандалѣ, купоросѣ, канцелярное сѣмя, заморскіе копы, сшаль, сукны и тому подобное.

Когда мы вступили въ городѣ; то всѣ базары наполнены были коробами съ ящиками шелковичныхъ червей. Для меня странно казалось, какимъ образомъ Кокан-

цы разводяшѣ шелковичныхѣ червей. Женщины, покупая яицы сіи, завертываюшѣ ихѣ въ мокрую тряпку и носяшѣ для доспавленія имѣ испаренія подѣ грудями и сушокѣ: когда черви начнушѣ показываться изѣ яицѣ; то ихѣ кладушѣ подѣ мокрую же тряпку въ корзину и выспавляюшѣ на солнце. Кѣ нимѣ шуда кладушѣ для пишанія листѣ дерева, называемаго *тиотѣ*.

Шелковичныхѣ червей сихѣ такое изобиліе, что, не смопрѣ на вывозѣ шелковѣ въ Бухарию и на выдѣлку изѣ оныхѣ множества различныхѣ парчей для Киргизскихѣ ордѣ, шелки сіи оспаюшѣ сѣ избышкомѣ до новыхѣ.

Правишельство очень строго смопришѣ, чтобы купцы не обвѣшивали и не обмѣривали; при мѣ водили одного изѣ нихѣ по всѣмѣ улицамѣ нагова, спешая плешками и заспавляя самаго кричать: что онѣ обмѣрилѣ. Вообще Коканцы судяшѣ безѣ производсва дѣлѣ на бумагѣ, основываясь единспвенно на свидѣтельствѣ двухѣ чловѣкѣ подѣ присягою. Судѣ сей производшѣ духовенство, кошорое собираешѣ, по приглашенію Главнокомандующаго, въ особо назначенный

для сего домъ. Судьи садятся вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ на возвышенной амвонѣ; приводящъ за карауломъ передъ нихъ преступника; священникъ того прихода, къ которому принадлежищъ виновный, первый разсматриваетъ дѣло его и, по приведеніи къ присягѣ 2-хъ свидѣтелей вины его, опредѣляетъ наказаніе. Если приговоръ найденъ прочими справедливымъ; то Главнокомандующій исполняетъ оный. Чиновниковъ, хотя бы и самыхъ первѣйшихъ, за преступленія, какъ то: за измѣну, лихоимство, заговоры и тому подобное, наказываютъ смертною казнію; имѣніе ихъ описываютъ въ казну, а женъ и взрослыхъ дочерей выдаютъ въ замужество за простыхъ солдатъ. За воровство рубящъ руки, и оспаивающъ по прежнему жить въ обществѣ. Я видѣлъ, что за покражу 30-ти барановъ опрубили у одного мечемъ кисть правой руки, обмокнули для оспаиванія крови въ горячее масло, и потомъ оппустили на волю. За смертно-убійство отдающъ преступника въ распоряженіе родственниковъ убишаго; они могутъ его продать или взять окупъ за голову. Однажды ходя по базару, я былъ очевидцемъ, что род-

ные убіеннаго привели опданнаго имъ убійцу и требовали его смерши; ему тушъ же опрубили голову.

Прелюбодѣяніе наказывається ужасною смершію, которой я былъ свидѣтелемъ и о коей воспоминаніе до сихъ поръ приводитъ меня въ содроганіе. 17-ти-лѣтняя дѣвушка была высватана родствениками за обывателя, кошорый ей не нравился (вообще Азіатцы не совѣшуются въ сихъ случаяхъ съ сердцами дочерей своихъ); она любила чиновника, ушла къ нему и жила у него подѣ видомъ прислужника въ мужскомъ плашѣ, обривши по шамошнему обыкновенію голову. Женыхъ узнаешъ о семъ, проситъ Правительство; чиновникъ, желая избавишься смершной казни, бѣжалъ; а ее взяли подѣ спражу, и она объявила судьямъ всю истину. По законамъ, ее должно было приговорить къ смершной казни; и Владѣтель, не имѣя права спасти ее отъ оной, сжался на ея молодость и красоту, присылалъ тайно сказать ей, чшобы она опперлась отъ своего показанія и объявила, чшо у нее волосы вылѣзли отъ болѣзни. Она велѣла сказать ему, чшо, разсѣвшись съ своимъ любезнымъ, не

хочешъ жить безъ него, и пребыла непоколебимою. Въ назначенный день казни народъ шолъ на базаръ; ее вывели, вырыли на площади яму и закопали по груди въ землю. Палачъ первый ударилъ сію несчастную въ голову камнемъ, а потомъ и весь народъ побивалъ ее камнями и размозжилъ всю голову; родственники вырыли шло и похоронили.

По прошествіи назначеннаго времени, намъ не дали проводника и приказали выступить однимъ по шракпу на городъ *Юрютюлу*, имѣвшій до присоединенія онаго къ Коканіи особеннаго владѣтеля, разстояніемъ отъ *Коканта* на полтора дни ѣзды. До самаго города мы шли многлюдными деревнями, расположенными на ключевыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ рѣку *Сыръ-Даръю*. Дорогою почти на каждыхъ 15-ти верстахъ встрѣчали мы древнія, никѣмъ необитаемыя большія зданія. Мы остановились подлѣ города и въ оной вѣзжали только для закупки провіанта; ибо уже Коканское Правительство, по выходѣ нашемъ изъ *Коканта*, не опускало намъ никакого продовольствія.

Городъ *Юрютюла* прилегаетъ къ горѣ *Кашкаръ-Диванъ*, расположенъ на ключ-

чахъ, вытекающихъ изъ помянутой горы между двухъ сопокъ; весьма обширенъ, обнесенъ высокими двумя стѣнами, между коихъ выкопанъ глубокий ровъ; въ стѣнахъ здѣланы окошки, дабы, въ случаѣ необходимости, можно было спрѣлѣпъ изъ нихъ. Городъ чрезвычайно многолюденъ; улицы въ ономъ шѣсны, дома сложены изъ глины; есть фабрики, на коихъ выдѣлывающся пуховыя шали. Жители имѣющъ торговлю въ Трухменцами, Персіанами и кочевыми Арапами, принадлежащими Бухаріи.

Коканцы, когда сей городъ былъ независимъ отъ нихъ, почтивъ оный не приступнымъ, рѣшились, за нѣсколько дней до прибытія нашего въ *Кокантъ*, обманомъ вызвавъ владѣльца подъ предлогомъ свиданія, захватили его въ плѣнъ, отвезли въ *Кокантъ* и овладѣли городомъ.

Съ Маія мѣсяца въ семъ мѣстѣ и далѣе къ сторонѣ Бухаріи начинающся нестерпимые жары, доходящіе почти до 40 градусовъ. Въ Мартѣ видишь выходящую траву, и обширныя поля покрывающіяся многоразличными душистыми цвѣтами; но чрезъ три мѣсяца все сіе по-

жигается зноемъ и сдувается вѣтромъ, что не оснается и слѣда. Отъ сего самого цѣлое лѣто встрѣчаешь одни голые пески, и праву едва найши можно покмо при ключахъ и въ ущелинахъ горъ; по сей причинѣ жители почти не имѣютъ вовсе скота, и лошадей съ прудомъ прокармливаютъ соломою и сѣянною правою, которую принуждены для сохранения отъ зноя поливать водою. Для защищенія отъ жару, они обвиваютъ себѣ головы чалмами, и носятъ по 3 и по 4 сшеганныхъ халаша. Глинистая въ городѣ земля сшоль нагрѣвается, что нѣтъ возможности идти по ней въ обыкновенной обуви; для чего они сверхъ сапоговъ и надѣваютъ колоши.

Переночевавъ близъ города, мы вышли на обласный городъ *Ходжанти*, состоящій на полшоры суши вѣды. Идучи ровными мѣстами, имѣли мы въ виду пограничные съ Бухаріею города: *Амъ*, *Зилинъ* и *Янакурганъ*. Не входя въ *Ходжанти*, мы оспанавливались подлѣ него ночевать, вѣзжали въ городъ покмо за покункою свѣстныхъ припасовъ, и упромъ пошли на прежнюю переправу черезъ рѣку *Сыръ-Даргю*.

Ходжантѣ не уступаетъ обширности *Коканту*; имѣетъ защищю со стороны Бухаріи высокую, развалившуюся уже въ иныхъ мѣстахъ стѣну, а съ другой рѣку *Сырѣ-Дарю*. Въ городѣ проведены каналы, находящіяся фабрики и вообще всѣ тѣ заведенія, какъ и въ *Кокантѣ*; жителей весьма много. Подошедъ къ переправѣ и видя, что уже на суда поставлены караваны, готовые къ отправленію, мы просили, чтобы насъ взяли съ собою; но *Коканцы*, примѣня, что мы безъ провожатыхъ, никакъ не хотѣли на сіе согласиться. Такъ какъ день уже клонился къ вечеру, и мы должны бы были ночевать въ семъ мѣстѣ; то я, зная уже характеръ *Коканцевъ*, принужденнымъ нашелся приказать козакамъ выставить силою нѣсколько купеческихъ верблюдовъ и очистишь въ суднѣ для насъ мѣсто. *Коканцы* ссорились, угрожали; но нагайки козаковъ принудили ихъ уступитьъ намъ. Мы поплыли и уже на срединѣ рѣки замѣтили, что судно стало наполняться водою и грузнуть. Перевозчики изъ мщенія провершѣли въ днѣ дыру, и мы съ трудомъ могли заикнуть оную. Когда доплы-

ли до опмѣли, то они выскочили первые на берегъ и скрылись.

Одинъ человекъ изъ числа каравана предупредилъ насъ, чтобы мы на песчаномъ пуши къ сторонѣ черныхъ Киргизъ не оспанавливались ночевать; ибо при вьюгахъ, говорилъ онъ, заноситъ часто песками, а спѣшили бы дойти до солонцоватаго мѣста, въ 17-ми верстахъ отстоящаго. Мы приняли совѣтъ его и, пройдя помянутое пространство, остановились ночевать на ключахъ. Поелику намъ должно было опять проходить прежними опасными ущелинами горы *Киндыртау*: то, дабы избѣжать нападенія, мы сворошили съ сего пуши и пошли другимъ шракшомъ въ сторону отъ ущелій на небольшой городокъ *Шайдалъ*.

Переночевавъ по близости онаго, отправились гористыми мѣстами на мѣстечко *Мулламиръ*, населенное единственно для укрывшя проезжающихъ отъ бурановъ, бывающихъ въ горахъ сихъ. Жителей сего мѣстечка по большей части занимаютъ проходящіе малые караваны, боящіеся разграбленія, для перевозу кладей въ городъ *Пишкетъ* (лежащій къ Ташкеніи) чрезъ гору *Киндыртау*. По дорогѣ

къ *Мулламиру* мы видѣли много древнихъ зданій; въ *Мулламирѣ* ночевали и пошли черезъ помянутую гору *Киндыртау*; жишелей наняли перевезши на 2-хъ лошадяхъ наше имѣніе, а сами по большей части шли пѣшкомъ.

Взбѣхавъ на высоту горы, мы принуждены были слѣдовать на разстояніи полуверсты узкою пропинею, едва имѣющею при четверти аршина ширины; съ одной стороны сей пропинки подъ ногами нашими находилась бездонная пропасть, въ глубинѣ коей видѣли однѣ верхушки дремучихъ лѣсовъ; а съ другой возвышенные утесы и обрывы каменистыхъ горъ наподобіе стѣнъ. Мы вели за собою верблюдовъ и лошадей за поводъ; дорогою каждую минушу были въ опасности поскользнувшись и низвергнувшись въ пропасть, гдѣ нерѣдко погибали путешественники. Въ сіе время свирѣпствовала гроза, и удары грома, сопровождаемые сверкающею молніею изъ черныхъ тучъ, казалось, потрясали горы, повсоряющія протяжно гулъ свой. Лошади наши храпѣли и прями ушами; бывшіе въ караванѣ Азіатцы со слезами призывали на помощь Магомета, и даже без-

спрашные козаки, презиравшіе до сего времени ежеминутно встрѣчавшуюся смерть, съ невольнымъ содроганіемъ кристались. Но всѣ сіи опасности были ничего незначущія въ сравненіи съ тою, когда мы начали спускаться по обрывамъ съ горы сей. Одинъ изъ верблюдовъ моихъ оступился съ крутизны, ударился грудью о камень и на другой день издохъ. Лошадямъ сходить также было весьма трудно; люди кое-какъ перебирались съ камня на камень, хватаясь за встрѣчавшіеся сухіе сучки или за выросшій на скалахъ мохъ, кои часпо, обманывая въ наружномъ видѣ своей швердоси, вырывались съ корнемъ и заспаляли по нѣскольку аршинъ спремглавъ лѣтъ внизъ. Въ семъ трудномъ пуши мы пробыли цѣлый день. Спустиась съ горы при утишеніи бури, увидѣли мы природу совсѣмъ въ иномъ видѣ; шуть предспавилось взорамъ нашимъ множество различныхъ плодоносныхъ деревъ и съ шумомъ выпадающихъ между каменье въ ключей, копорые, пропекая по испещреннымъ цвѣтами шелковичнымъ лугамъ, образуютъ рѣки *Сиргикъ* и *Тангару*: первая протекаетъ къ Ташкеніи; а послѣдняя, разбиваясь на мѣлкія рѣчки, течетъ чрезъ

города *Кураму* и *Пишкетъ*. Идучи подлѣ горы, оплогими мѣстами, по текущимъ ключамъ, пропивною, лежащею къ городу *Пишкету*, прошли въ концѣ дня чрезъ оный, и ночевали въ 5-ти верстахъ отъ сего города на рѣкѣ *Тангарѣ*.

Пишкетъ имѣетъ небольшую крѣпостцу, въ коей помѣщается до двухъ сотъ человѣкъ войска и окруженъ форшпашами. Въ семъ мѣстѣ земля хотя нѣсколько и глинистая, но весьма плодородная; при нашемъ приходѣ въ городъ въ концѣ Марша мѣсяца, хлѣбъ уже былъ поднявшись выше нежели на четверть. Жишели имѣютъ большія спада. Запасшись провіантомъ и купивъ одного верблюда, мы отправились прекрасными деревнями, перешли рѣку *Циртикъ* и вступили прямо въ *Ташкентъ*. Будучи извѣщенъ, что съ прибывшимъ изъ Семиполашинской крѣпости купеческимъ караваномъ отрядъ козаковъ остановился въ городѣ, я присоединился къ оному. По прибытіи нашемъ, на другой день побѣхалъ я къ Главнокомандующему, который принялъ меня ласково; увидя у меня хорошаго иноходца, стояющаго въ тамошнемъ мѣстѣ до 40 червонныхъ, просилъ подарить ему онаго,

общая за то оказывать всевозможныя пособія и содѣйствовать къ скорѣйшему отправленію насъ въ Россію; при такомъ общаніи нельзя было не удовлетворить его желанію, и я подарилъ ему сего иноходца.

Въ семъ городѣ явились ко мнѣ еще двое Рускихъ, бѣжавшихъ изъ рабства, прося взять ихъ съ собою. Первый изъ нихъ *Андрей Ивановичъ*, дворовый человекъ Князя *Лобанова*, будучи въ Оренбургѣ, схваченъ былъ Киргизами, увезенъ въ Хивинское владѣніе и проданъ за 40 червонныхъ, а отсюда отведенъ былъ въ подарокъ Бухарскому Владѣтелю, отъ коего бѣжалъ, услышавъ о прибытіи Россійскаго посольства въ *Ташкентъ*; другой же, крѣпостной человекъ Генерала *Бурликовского*, *Максимъ Головатенковъ*, будучи въ малолѣтствѣ, около 25-ти лѣтъ тому назадъ, съ отцемъ своимъ въ Кременчугѣ, отправился съ нимъ къ Крымскимъ Ташарамъ, гдѣ пася спадо, былъ захваченъ двумя Армянами и двумя Ташарами и увезенъ въ Персію, откуда проданъ въ Бухарію, и хотя, по прошествіи 8-ми лѣтъ, и успѣлъ было убѣжать на границу Россіи; но опять перехваченъ Кирги-

зами и возвращенъ въ Бухарию, изъ коей
вмѣстѣ съ *Ивановымъ* бѣжалъ въ *Ташкентъ*.

Желая спасти единовѣрцевъ, я не оп-
сунно просилъ Главнокомандующаго оп-
дать мнѣ Рускихъ сихъ, и хощя, по ихъ
законамъ, и должны они были навсегда
ославашься въ рабствѣ; но, принявъ
въ уваженіе сдѣланный мною ему пода-
рокъ, онъ мнѣ опдалъ ихъ.

Семиполашинскій караванъ, промѣ-
нявъ шовары, просилъ меня объ исходатай-
ствованіи ему позволенія опправиться
въ Россію; въ чемъ я и успѣлъ, — и онъ
на тысячи пѣши стахъ верблюдахъ вы-
ступилъ въ сопровожденіи состоявшаго
при немъ опряда. Часть онаго пошла
по практу на Пешропавловскую, и часть
на Семиполашинскую крѣпости; я же
ославался въ ожиданіи изгопвленія при-
веденнаго мною каравана.

Въ сіе время Главнокомандующаго
пошребовали въ *Кокантѣ* для совѣщанія;
въ опбытіе его Ташкенцы сдѣлали заго-
воръ возвести прежняго своего Владѣ-
теля *Рустамбека*, кошорый, при взятіи
Ташкента Коканцами, бѣжалъ въ *Киргизъ-*
Кайсацкую степь. *Рустамбекъ* сей при-
шелъ въ *Ташкентъ* скрытно съ Семипола-

тинскимъ караваномъ и пробрался въ Бухарию для испрошенія вспомогательнаго войска. Ташкенцы ожидали минушы его возвращенія, чѣобы исхребишь Коканскія войска и свергнушь съ себя ненависное иго. Бухарцы вооружались; Ташкенцы старались обмѣнивать Коканскую монету, кошорая, полагали они, не будетъ имѣть курса; всѣ товары вздорожали; мы были въ опасности. Но Коканцы узнали о заговорѣ; Главнокомандующій поспѣшно возвратился; въ слѣдъ за нимъ присланы были подкрѣпленія. Онъ обыскалъ виновныхъ, и въ продолженіе 10-ти дней, я видѣлъ безпрестанно казнь сихъ несчастныхъ: ихъ вѣшали за горло; а одного изъ нихъ, кошораго полагали главнымъ зачинщикомъ бунта, поперегъ тѣла. Сей болѣе 6-ти часовъ былъ живъ и наконецъ, зашекши кровію, въ ужасныхъ мученіяхъ испустилъ духъ. Ташкенцы приведены симъ были въ величайшій страхъ. *Рустамбекъ* захваченъ на границахъ, привезенъ въ *Ташкентъ*, посаженъ въ подземный ровъ и приговоренъ къ смерти. Такъ какъ законы Магомешанскіе повѣлываютъ оказывать иностранцамъ гощепріимство и всякое уваженіе; то же-

ны и родственники *Рустамбека* приходили ко мнѣ, умоляя со слезами испросить у Главнокомандующаго ему пощаду. Въ подарокъ Главнокомандующему они вручили мнѣ во 100 рублей иноходца и обученнаго кречета (бѣлаго ястреба), сплюющаго шамъ 40 червонныхъ. Соболѣзнуя обѣ участи несчастнаго *Рустамбека* и желая выручить припомѣ захваченный шоварѣ Россійскаго купца *Ушакова*, съ которымъ *Рустамбекъ* прибылъ въ *Ташкентъ*, я съ сими подарками явился къ Главнокомандующему, который, по убѣжденію моему, основываясь на помянутомъ законѣ Магомешанѣ, согласился наконецъ, принявъ подарки, освободить *Рустамбека* отъ казни, объявивъ, чтобы онъ въ печеніи 6-ти часовъ заплащилъ 300 червонныхъ пени и выѣхалъ чрезъ три дни изъ ихъ предѣловъ; Россійскіе же шовары велѣли немедленно возвратиться. Его выпустили изъ рва подѣ присмотромъ 3-хъ человекъ; а какъ родственники боялись снабдить его деньгами, дабы не сочли ихъ учасниками въ заговорѣ: то онъ выпросилъ помянутую сумму заимобразно изъ каравана.

Между симъ временемъ Бухарскія войска подошли къ *Коканскимъ* грани-

цамъ; произошло кровопролитное сраженіе, и Коканцы могли бы быть разбины, естлибъ съ другой стороны союзникъ ихъ, *Сарсаузскій* Владѣтель, не пошелъ на Бухарское владѣніе и не захватилъ множесва плѣнныхъ. Сіе самое заставило Бухарцевъ возвратиться въ свои предѣлы; и Коканцы по поводу сего, по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ, имѣли случай присоединить къ себѣ нѣсколько Бухарскихъ городовъ.

Замѣшательства сіи не дозволяли намъ выѣхать изъ *Ташкента*. Главнокомандующій, возвращаясь съ войскомъ, пригласилъ меня на торжественный обѣдъ, который онъ давалъ на полѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, войску своему въ честь побѣды. Разбины были шапры, и на разосланныхъ коврахъ угощали шумное войско сарачинскимъ пшеномъ съ бараньимъ мясомъ, и чаемъ. Онъ мнѣ описывалъ съ щеславіемъ свои побѣды, и общалъ въ скоромъ времени опрavitить насъ въ Россію.

Наконецъ 1-го Августа 1814 года прибыли двое депушатовъ съ отвѣтными къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ отъ Коканскаго Владѣтеля письмами, и я съ ними и съ купеческимъ кара-

ваномъ, въ сопровожденіи двухъ сотъ чело-
вѣкъ Коканскаго войска, отправился
въ обратный путь по тому же тракту,
по коему слѣдовалъ. Плѣннымъ Рускимъ я
отдалъ одному верблюда, а другому ло-
шадь, а претій отданъ былъ мною для
прислуги въ караванъ.

Областный городъ *Ташкентъ* нахо-
дится при рѣкѣ *Чирчикъ*; большая часть
обширнаго сего города, заключающаго
въ себѣ до 20,000 домовъ, построена
въ лугу; кругомъ на пространствѣ 15-ти
верстъ городъ обнесенъ высокою стѣ-
ною, выведенною изъ незжсннаго кирпича,
въ коей находится 12 воротъ. Въ са-
мой стѣнѣ внутри города расположены
обывашельскіе сады и виноградники, ко-
торые огорожены также высокими стѣ-
нами, столь близко соединенными между
собою, что оставленные между ими про-
ходы болѣе похожи на коридоры, нежели
на переулки. Въ предмѣстіи города также
находясь сады. Вода пропущена изъ рѣ-
ки *Чирчика* каналомъ, изъ коего въ городъ
ездѣ проведены фонтаны; въ каждомъ
домѣ посреди двора видишь бассейнъ или
пропечную небольшую канаву, откуда
женщины черпающъ воду и гдѣ поло-

щамъ бѣлѣ; на сихъ бассейнахъ видишь Ташкентцевъ моющихся или роскошно веселящихся съ музыкою. Мечети выстроены безъ крышъ; есть множество древнихъ запустѣлыхъ храмовъ съ куполами, кои построены первобытными обитателями сихъ мѣстъ.

Въ $\frac{1}{2}$ версты отъ города находится укрѣпленіе, помѣщающее въ себѣ до 10,000 войска; укрѣпленіе сіе обнесено со стороны Коканіи двумя высокими каменными стѣнами и двумя глубокими рвами, а къ городу одною стѣною и глубокимъ каналомъ, имѣющимъ до 50-ти сажень ширины. Въздъ въ укрѣпленіе сіе по узкой пропикѣ. Въ срединѣ сего укрѣпленія на возвышенномъ мѣстѣ построенъ замокъ, обнесенный высокими стѣнами и 3-мя рвами, имѣющими по 7-ми сажень глубины. Въ семъ замкѣ живетъ Главнокомандующій, имѣющій полную власть казни съ смертію безъ доклада Владѣтелю. *Ташкентъ* былъ прежде независимъ и служилъ резиденціею Владѣтеля; а нынѣ, по покореніи, содѣлался провинціею Коканіи. Замокъ прежняго Владѣтеля разрушенъ до основанія, и мы видѣли на томъ мѣ-

стѣ однѣ груды камней. Чрезъ городъ безпрестанно проходили караваны.

Въ *Силкетѣ*, за изнуреніемъ верблюдовъ, мы останавливались на шрое сушокъ. Осправясь далѣе, были сопровождаемы Коканскимъ опрядомъ до горы *Каратау*, въ копоромъ мѣстѣ опрядъ сей, не предвидя для насъ никакой опасности, оспалъ ошъ насъ и осправился на городъ *Карнакъ*, который Коканцы во время пребыванія моего въ *Кокантѣ* покорили, завоевавъ все Туркистанское владѣніе.

Перейдя гору *Каратау*, обилаище черныхъ закаменѣнныхъ Киргизовъ, мы оспановились на ключевой рѣчкѣ, въ логу, при ушесѣ горы. Около полуночи услышали въ ущеліяхъ горы раздавшійся топотъ коней и смѣшанные крики Киргизовъ сихъ, и наконецъ толпы ихъ показались на высотахъ. Мы перевязали лошадей и верблюдовъ арканами, и сами дѣлали по нихъ ружейные выстрѣлы, чемъ и привели ихъ въ страхъ. Мало по малу они начали разсѣваться и, по прошествіи 2-хъ часовъ, ихъ уже не видно было.

На разсвѣтѣ дня, для избѣжанія опасности, мы шоропились вышупить въ дальнѣйшій пущъ и почти безъ ошдыху

слѣдовали къ городу *Сузакъ*; отъ безпрестанныхъ переходовъ и отъ чрезвычайныхъ жаровъ верблюды заразились сарпомъ (родъ оспы); для сего самого около 20-ти дней мы принуждены были проживать въ *Сузакѣ*.

Когда караванъ въ состояніи былъ слѣдовать, мы выступили въ первыхъ числахъ Сентября на рѣку *Цуй* до урочища *Уванаса* и, оставя прежній практъ для сокращенія пущи, не прикасаясь ни къ одной Киргизской волости, шли 12 сутокъ необитаемою степью по шерновникамъ и глинистой землѣ до рѣки *Сарысу*, ошанавливаясь на ключахъ, имѣющихъ красноватую воду въ родъ шерпаго кирпича; во многихъ мѣстахъ находили выходящіе изъ земли ключи, прошекающіе маленькими рѣчками, въ коихъ вода селищренная, и видѣли въ большихъ шабунахъ кулановъ.

Пришедъ на рѣку *Сурынъ*, мы оправились между горъ степями, по ключамъ, на рѣчку *Куланъ-Этмесъ*, и въ продолженіе 12-ти дней не встрѣчали никакого обиталища.

Во время пущи близъ *Куланъ-Этмесъ* увидѣли, что толпы Киргизовъ начали

показываться и окружать насъ со всѣхъ сторонъ, приутошворяясь къ нападенію. Я велѣлъ остано­вить караванъ и по­ложить верблюдовъ, а людямъ сѣвши­мъ и заряжать ружья; самъ же съ парой пистолетовъ и обнаженною саблею поѣхалъ къ полкамъ симъ въ сопровожденіи даннаго Султаномъ *Худай-Мендою* шеленгуша. Увидя Султанова шеленгуша, Кир­гизы остано­вились и послали также для переговоровъ 4-хъ человѣкъ. Извѣстясь, что полки Киргизовъ сихъ были *Байте­мешевской* волости, за спокойствіе коей ру­чался Султанъ *Худай-Менда*, я объявилъ имъ, что караванъ принадлежи­тъ Россій­скому купечеству, и что буде они поку­саясь сдѣла­ть малѣйшій вредъ намъ: то буду­тъ жестоко наказаны высылкою въ границы козачьихъ опрядовъ. Услы­шавъ сіе, они обѣщали не дѣлать намъ никакой непріятности и приглашали въ свою волость, въ 15-ти верстахъ от­стоящую.

Такъ какъ мы терпѣли въ провіантѣ столь большой недостатокъ, что при­нуждены были прое сутокъ пи­шались лошадинымъ мясомъ, и я самъ, издержавъ ошашки бараньяго мяса, сохраняемаго

въ продолженіе 20-ти дней въ высушенной брюшинѣ, долженъ былъ нѣсколько дней для ушоленія голода варить уже и самую брюшину сію съ пшеничною мукою; шо мы рѣшились войти въ шопъ же день въ сію волость, гдѣ вымѣнивали барановъ, а для козаковъ шулупы, (ибо уже были первыя числа Октября). Выпавшій въ сіе время первый снѣгъ задержалъ насъ въ семъ мѣстѣ двое сутокъ.

Вышедши отъ нихъ по шрапсу на урочище *Таиръ-Бергенъ*, перешедши чрезъ рѣку *Ишилъ* и достигнувъ на 3-й день до урочища *Долбралы*, я послалъ 3-хъ человекъ къ корпусному Командиру съ донесеніемъ о числѣ и благосостояніи каравана, а равно и о прибывшихъ Коканскихъ депушатахъ; а самъ, спараясь поспѣшать, дабы насъ не застигла въ пуши зима, пришелъ чрезъ 7 дней къ границамъ.

Высланный за 20 верстъ отъ крѣпости Пешропавловской опрядъ козаковъ, состоящій изъ 60-ти человекъ при 1-мъ офицерѣ, встрѣшилъ насъ и, подъ прикрытіемъ онаго, мы вступили 15-го Октября 1814 года въ крѣпость. Караванъ вошелъ въ мѣновный дворъ; а депушаты, будучи встрѣчены Коменданшомъ, препро-

вождены вѣ опведенный имѣ домѣ. Приведенныхъ мною шрехъ Россійскихъ плѣнниковѣ я предспавилѣ при рапоршѣ Коменданшу, коему, при сдѣланномѣ имѣ допросѣ, они подшвердили прежнее свое показаніе. Людямѣ симѣ, на основаніи Всемилоспивѣйшаго Манифеста 1814 года Августа, предспавлено право избрашъ родѣ жизни.

Вѣ продолженіе всего пупешествія моего бывшіе со мною козаки, шерпѣвшіе всѣ шрудности пущи, шягоспѣ службы, недоспашки, нужды и голодѣ, хопя иногда и скучали; но, будучи обнадеживаны мною, что Начальшво не оставитѣ наградишъ службу ихѣ, шерпѣливо все переносили. Общія опасносши споль шѣсно связывающѣ людей между собою, что я козаковѣ сихѣ встрѣчаю всегда, какѣ родныхѣ братьевѣ.

Вѣ извѣявленіе своей кѣ нимѣ признашельносши, я посспавляю священнѣйшею для себя обязанносшію, дабы хопя нѣсколько сдѣлашъ ихѣ извѣспными, присовокупитѣ здѣсь имена сихѣ людей, кои, ежеминутно подвергая опасносши жизнь свою, жершвовали собою на службу Ошечесшва:

3-го козачьяго полка урядникъ *Василій Рекинъ*.

Тогожъ полка рядовой *Дрягинъ*.

Тогожъ полка рядовой *Гладинъ*.

2-го козачьяго полка рядовой *Боронинъ*.

4-го козачьяго полка рядовой *Морожниковъ*.

К О Н Е Ц Ъ.
